

Александр
Цыбулевский

НОЧНЫЕ СТОРОЖА

*Александр
Цыбулевский*

НОЧНЫЕ СТОРОЖА

Стихи

**МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1989**

ББК 84Р7
Ц 93

Художник
АНАСТАСИЯ ЯРКИНА

Ц $\frac{4702010202-478}{083(02)-89}$ 252-89

ISBN 5-265-00751-2

© Издательство «Советский писатель», 1989

* * *

Восторг души первоначальный.

А. Блок

Мы к яблоне тянулись белой
Средь звездной августовской тьмы.
Но, руки вскинув, оробели —
В картину вписывались мы.

Незримые тянулись нити
И — петлею вокруг колен.
Быть может, на своем Таити
Нас предугадывал Гоген.

* * *

Ей снятся сны не про меня —
В них садовод тот чинный,
С цветами женская возня,
Достойная мужчины.

Но этот сад во все века
Воздывал не ты ли?
Да все равно, чей сад, пока
Ее не разбудили.

* * *

Мы скоро, только до того угла!
Она и он так убеждали взрослых,
Вершивших свои взрослые дела.
И отпустили двух светловолосых.

А улица старалась как могла.
Ей запах лип прибавил необъятность.
Ах, пять минут до этого угла,
Ах, пять минут — и повернуть обратно.

АТЕНИ

А тут ущелье — снег не снежный —
Цветеньем персиков течет.
И опыт поцелуев прежний,
Как и тогда, — уже не в счет.

И ты неверный или верный —
Ты вешним миром взят в полон,
Где в каждом камне — торс Венеры.
В коряге каждой — Аполлон.

* * *

Вот так предвосхищать возможность
И не уйти в тот свет и тьму,
Как легким взмахом легких ножниц,
Перерезающим тесьму.

И, распадаясь на две части,
Уже не связана она.
И может, в этом-то и счастье
Так пить — и никогда до дна.

Так никогда до дна, как горе,
Как звездопад, как водоем.
Так в небо ствол и в землю корни,
Чтоб никогда не быть вдвоем.

И сохранять смешную верность
Повсюду, где ни ступим мы.
Пока не втянемся в поверхность
Без высоты и глубины.

* * *

А нелюбовь моя вещает —
Ей вдруг беда любви ясна.
Бессонницей так освещают
Таинственную сущность сна.

Еще свободен и с любовью
Зло различаю от добра.
Еще я не задет любовью,
Но белый локоть у ребра...

* * *

Я колдовал над лугом, и проплыли,
Как диски солнца, капельки росы.
И совершилось чудо. Без усилий
Разъединил я время и часы.

И вот уже деления по краю
Бессмысленны. Во сне и наяву
Часы с потертым ремешком швыряю,
Швыряю их в высокую траву.

СТИХИ О РАЧЕ

1

Вдруг мельницей окончился лесок.
Я в землю врос, не изменяя позы.
В ромашках утопает колесо,
И синие по белому стрекозы.

Но ты зовешь покинуть этот край,
Все круче по тропинке забирая.
Что ж, может быть, то вовсе был не рай,
А только лишь преддверье рая.

2

Поток несется темно-бурый,
А был когда-то голубой.
О голубая Сакаура,
Что ты наделала с собой?

Мне не забыть, как в пене звонкой,
В отпрянувшей голубизне
Ты диковатою девчонкой
Явилась на мгновенье мне.

Пусть дождь идет, и небо меркнет,
И ты уходишь сгоряча:
Незримо над Рачою Верхней
Сияет Верхняя Рача.

3

Жить неуютно в доме-башне:
Блестит в руках у горца лом.
Да, знаю я, что поделом
Бежит отсюда день вчерашний.

Еще он чуточку отстал,
Любуясь давностью святою:
Как гибок в черном крепкий стан
Старухи, шедшей за водою!

Тут будет дом стоять картинный,
Как у соседа Илико.
Жена уедет далеко
И привезет с собой гардины.

Смешно и грустно, ум мой косный
В воображении своем
Не может здесь придумать дом,
Чтоб на виду стоял у сосен.

Ногою камень отодвинут,
Что прежде в своде был замком.
Мне весело наполовину,
А грустно все же целиком.

4

Был час, когда молчат легенды,
Но горы в горьковатой дымке.
И водопад замолк над бездной,
Остолбенелый, как на снимке.

Над полуночными пирами
Звезда погасла и притихла.

Но что же двинуло горами —
Какая цель, какая прихоть?

5

Да, я переживу разлуку,
Но будет час и будет день —
Я вспомню: мул бредет по лугу
И странный расцветает пень.

И вспышки новых озарений
Остановлю и сберегу —
Пыление листвы осенней
На рано выпавшем снегу.

И после вздорной жажды крови
Хозяйки, нас лишившей сна, —
Вдруг щебетание под кровлей
С глотком холодного вина.

* * *

Как эти линии покаты,
Как удивительны мазки!
О человечки на плакатах
Архитектурных мастерских!

Те вездесущие фантомы
Проскальзывают в каждый дом.
И даже в нашем старом доме
Ваш керамический фантом.

И что с того, что по колено
Мне море жалкого тряпья?
И мы фантомы поколенья —
И ты — не ты, и я — не я.

А это значит — новый Некто
Гротеска пустит карусель,
Напишет заново «Шинель»
И Нос отправит по проспекту.

* * *

Мне помнится, и я когда-то
В упор с бедою был знаком
И мог бы под своим стихом
Проставить роковую дату.

Сорок восьмой, сорок восьмой —
Душа прогорклая баланды
И недосказанность баллады
Над пересыльной тюрьмой,

Где коридорный истукан
Шагами тишь ночную мерит,
Внезапно вскрикивают двери.
И дата — как пятно на ткань.

* * *

Сон идет. Но вот его граница
В сне самом становится видна:
Этот человек ей только снится,
Это просто человек из сна.

Он веселой синей бездной правит,
Все законы тяжести поправ.
Ничего не знает он о яви,
Надо объяснить ему про явь.

Ты убить, убить меня попробуй,
Пусть кошмар взовьется ножевой
Я воскресну, я проснусь!

Но доброй
Человек мотает головой.

Не понять ему, что значит сниться,
Но и мы не растолкуем сны.
Может быть, у снов еще граница
И с другой какой-то стороны?

И его ждет где-то пробуждение:
Жаркий холод. Ледящийся жар.
Громыханье тишины. Скольжение
Одичалых, щупающих фар?

* * *

Беда. С движением неладно
В век олимпийских, быстрых ног.
Шумит, волнуется Эллада.
Зенон теперь не одинок.

Нет для движения причины —
Ни для руки, ни для лавин.
Дробится путь на половины,
И столько этих половин,

Что бесконечность, встав из праха,
Уже не хвастает, не врет.
Не Ахиллес, а черепаха
Тесемку финишную рвет.

Так половинчатая подлость
Сковала души и тела.
И вот вверху, Олимпа подле,—
Висит недвижная стрела.

Не поразит она мишени.
И там, в том вихре впереди,
Движенья нет в самом движенье,
Есть лишь вращенье средин...

К прилежному пыхтенью пара,
К автомобильной толкотне
Той точкой мертвой бы припала
Морская тишина на дне,

Когда не шла бы из-за леса
В зеленой неоглядной тьме
Колдунья, девочка Олеся,
С веревкой тонкою в уме.

Она себе ее представит
Протянутой между дерев.
Споткнуться путника заставит,
Захочетав или запев.

И он откроется, крылатый,
Путь от порога до звезды —
Сквозь все Зенона постулаты,
С той неизбежностью беды.

* * *

Марине Цветаевой

Я руки простирал, пустые горсти —
Вплывала всяческая суета.
Но оставались, оставались версты,
И только версты и одна верста.

Одна верста! К путям неприложима,
Не ею обозначены столбы.
Она одно нашептывала имя
И раскаляла стынувшие лбы.

Одна верста! Казалось бы — химера,
А свет ее доселе не померк.
Одна верста! Бессмертнейшая мера,
Забытая.
Средь эталонов мер.

МЦХЕТА

Воспоминаний дым негорький
Давно уснувшее будил,
Пока старик святой Георгий
Вино из бочки гнал в бутыль.

Он горбился над шлангом длинным,
И влага медленно текла
По чуждой темноте резины
В среду инертную стекла.

Был смысл во всем. И этот голый
Стол предрекал переворот.
Сейчас он явит новой школы,
Как озаренье, натюрморт.

День угасал. Мы все сидели,
Хоть к цели ехали иной.
Прости меня, Светицховели,
Так море чувствуют спиной.

В подвале пело и плескало.
Он весь дымился и вставал,
Чтоб предложить свое лекало
Чертить единственный овал.

Но издали роились звуки,
Не исчезайте, я иду,
Бегу, лечу, мои дудуки,
Ду-
 ду-
 ки,
 дуу...

УРОКИ БЛОКА

Светающий кристаллик соли
На оплывающей корме...
Мерещатся мне песни Сольвейг
В изменах царственных Кармен.

Той совмещенности доверясь,
Опять замру, чтоб только лишь
Услышать снова черный веер
Сквозь дальний, дальний посвист лыж.

РАЧА ЗИМОЙ

Досталась мне, подъему вопреки,
Лишь удивленья легкая работа.
Шли с перевала вниз грузовики,
И снег лежал пластами на капотах.

А тут на полпути еще тепло.
На небе блеклом яркое знаменье:
С пришитым солнцем облако текло
И гнало вспять полуденные тени.

И по дороге черные волны...
Их обогнав, мы их не обогнали.
Сто лет тому назад, снопы взвалив,
Они бредут в неммыслимые дали.

Они бредут, бредут, не глядя вниз,
Где медленный, в оранжевой печали —
Исполненный доверия стриптиз,
Что к декабрю деревья обещали.

Но холодно становится спине,
И хрупкость рук подчеркивает иней.
А вот и снег. На белом полотне
Квадрат двора диагоналят свиньи.

Летел туман. Мне с ветром довелось
Вбежать в его огромное строенье.
И жалкою казалась мне до слез
Слов суета на этом пире зренья.

БЕЗ ПОСВЯЩЕНИЯ

1

Смешно, смешно. Седые мастера
Короткой стрижки и одной гребенки
По капельке из вечного пера
Займствуют у той девчонки.

Но лица их не дышат добротой
Под маскою отцовской укоризны.
Все снится им, что нет девчонки той
И цвет из живописи изгнан.

А девочка идет себе. И луг
На улице. Та улица далеко...
Над головой ее неяркий круг.
Тот круг, что некогда у Блока.

2. Елена

Тут ни при чем любое имя,
Ты — символ, ты — похищена.
И потому для глаз незримо
Идет Троянская война.

3

Как эта птица неуклюжа.
И все-таки она летит...

И нас внезапно леденит
Какой-то первобытный ужас.

За стойкой аэровокзала
Мы отвлекаемся вином.
Но в измерении ином:
А что еще она сказала?

Что, что сказала ты, пока
В явь обращалась та утрата
От кассы к выгнутым бокам
Моторизованного трапа?

Там, в том пространстве тишины,
Лишь голос твой сквозь дыма клубы.
Глаза твои, как два Колумба,
К открытиям присуждены.

И ты сказала: этот круг
Впервые горизонтом назван.
Какой почет нам в нем оказан —
Тут, в центре, нежный выдох, — друг.

Да будет пафос этот свят,
Мы на него имеем право.
Тут, как травы доверье к травам,
Его не смоем дождь и град.

И разве расстаемся мы?
Приникнув к окнам, дали тают.
За те горбатые холмы,
За горизонт не улетают.

4

Оцепенело фрески ждут.
На стенах желтые хитоны.

И распростерты ладони
К тому дождю, к тому дождю.

Как вестник первой капли голой,
Листву сухую нагоня,
Скакал по дальним долам Голос
И гнал коня, и гнал коня.

* * *

Пустяшный день.

Такой пустяшный день.

Но приглядишься к нему,

как он заполнен,—

Ведь даже малой сахарницы тень

Звала тебя навек ее запомнить.

И за стеклом сутулая спина...

Быть может, этот домысел мой ложен,

Но что-то я забыл и вспоминал,

Как я делил тот жалкий хлеб и ложе.

В журнале бронзовел Хемингуэй,

Там среди львов ютился лев крылатый.

О вещий признак настоящих дней,

Я этот день уже прожил когда-то.

И было так же пусто на ветру.

Пролет моста перемахнул я сразу,

Запоминая только краем глаза

Для дня другого черную Куру.

* * *

Так поздней ночью мы проходим мимо
Тех сторожей, что у огня дрожат.
Охваченные бликами и дымом,
Что сторожат ночные сторожа?

Чем сторожей укрыть от похищений?
Костер в ведерке догорит дотла,
Разрушит утро эти светотени,
И к пеплу ночи тянется метла.

СТИХИ ОБ АРМЕНИИ

1

Еще вздыхают паровозы тяжело,
Стоят и пар транжирят за селом.
И железнодорожная фуражка
Бежит в рассвет с магическим жезлом.

И путь открыт... Из нас не вить веревки
И не купить у Арарат-горы
Тем сочетаньем роскоши с дешевкой
Гранитных стен и гипсовой муры.

2

Войди в скульптур исчезнувшую твердь,
В то торжество картинной галереи...
И уходи. Открыта настежь дверь,
Колючий быт лукавит и добреет.

3

На крытом рынке долгий звукоряд.
Чесночный запах, теплый лепет камня,
А эти ждут, молчат, не говорят,
Опавшими торгуют лепестками.

Им скоротать бы время в разговорах.
Над ними тени пляшут, как кинто.
Тот розовый колышущийся ворох
На вес еще не покупал никто.

А время где-то там, с горы крутой —
Два конуса, приникших остриями,
В проходе узком — белой барантой
Течет себе песочными часами.

4

Репатриант-ливанец — брадобрей —
Блестит очками, важно клонит выю.
Он мылит щеку правую сильней,
Чем левую. Считает чаевые.

5

Сановно голубеет ресторан.
Абсолютизма отсветы под носом.
Рыб королева и король — ишхан —
Дымятся рядом на одном подносе.

6

В автобусе за струйками воды
Видны холмы сиреневого цвета.
Поет слепой. И мальчик-поводырь
Берет, не глядя, мелкую монету.

А это верный признак, что старик
Останется один. У влаги пресной
Солоноватый привкус. Мир велик.
Уйдет мальчишка. Не об этом песня.

* * *

Глаза мои тебя не увидали,
Преград нагромоздил строитель-век.
Зачем бетона столько, столько стали?
Достаточно закрытых было век.

* * *

Вот он летит пока что неумело,
Твой красный мак, опущенный с моста,
Исчез — мгновенье длится пустота —
И бабочкой выпархивает белой.

Недоуменье... Знак из Ниоткуда...
Мы наблюдаем, наблюдаем, но
Из поля зренья выпадет звено —
И взмахивает крылышками чудо.

* * *

Той вечности минуты сочтены
В еще своей, уже чужой квартире.
Мы вспомним врозь и вместе все четыре
Ее гостеприимные стены.

Заката пламенеющего сгусток —
На облако положенный мазок,
И за окном затрепетавший кустик,
Раскачивавший тенью потолок.

Два измерения летают по квартире.
Уже не существует верх и низ...
И высота накапливает высь,
И ширина задумалась о шири.

* * *

Восстановить мгновение — тот дом
По кирпичу сложить, посторониться...
Чтоб ты прошла и скрылась за углом
С тревожною снежинкой на ресницах.

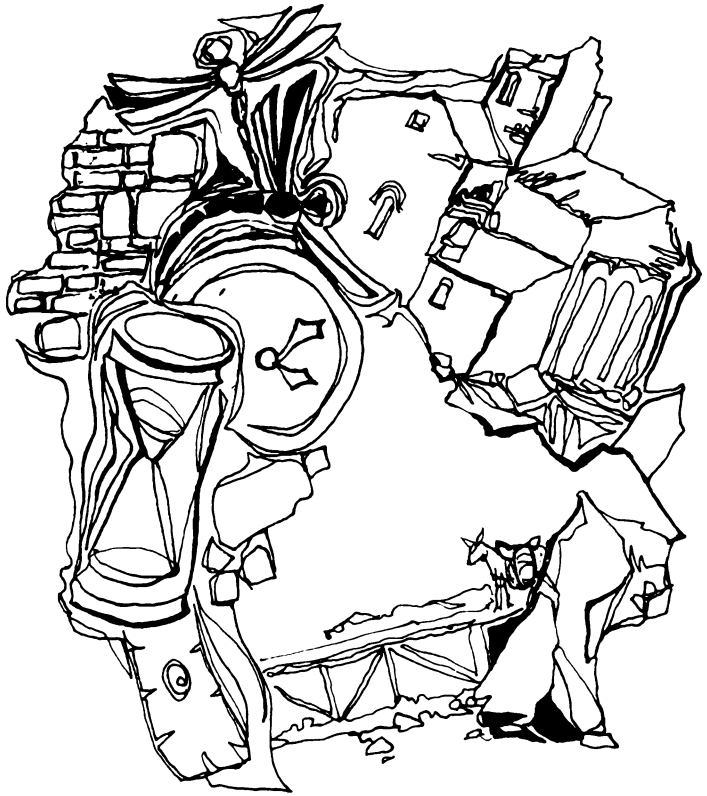
«СУТЬ ДЕЛА» ГРЭХЕМА ГРИНА

Тут корабли томятся на приколе
И нестерпима синева теней,
А в кабинете, как пустыня, голом
Наручники ржавеют на стене.

Не потому, что этот мир с прискорбным
Лицом своим — уже не правит суд,
А потому, что существует Скоби,
Он на посту. И в этом дела суть.

На дневнике скупом ни капли крови.
И капли света он не приоткрыл.
Откуда ж этот звук по скату кровли
И взмах тревожный утомленных крыл?

А там, в порту, уже закат всегдашний,
И в нем сгорит, как в самый первый раз,
Мечта о Вавилонской башне,
Смешение племен и рас.

* * *

Когда рассвет — сквозь ставни — тощий
Перебежит трамвайный путь,
Встаешь, и ласков мир на ощупь,
Но глубже страшно заглянуть.

* * *

Шар земной и Хлебников бездомный,
Без него — бездомный шар земной.
Есть кому и некому напомнить
Эту связь бессвязности самой.

* * *

И в этой обожженной глине
Не только добрый, гулкий звук
И таянье и пенье линий,
А след несглаженный от рук.

Шероховатый, в меру зыбкий,
На грубой кладке и у той
Музейной недотроги скрипки —
Неприкасаемой святой.

* * *

Вот так идешь сам по себе,
И удивительные тропы
На ум приходят по тропе
И все к стиху, к стиху торопят.

Но медли суетной рукой
Коснуться лиры словно дара,
И мало собственного жара —
Необходим и жар чужой.

* * *

Пока я в суть прекрасную вникал
И сердце билось учащенно —
Уже рукой водила упрощенность,
Скрипя тупым пером ученика.

Эпитеты случайные легли —
Казалось, безобидно и покорно,
Но где-то, где-то деревья голы
И неживые путаются корни.

Есть связь бессвязная, и лес поник,
Мне кажется, не по своей причине,
Он оживет, когда перо очинят
И обмакнут в единственный родник.

НОВЫЙ ГОД

С утра к тебе отыскивал стезю.
На галереях путанные двери.
Глядит — индюшек траурные перья
Лежат в эмалированном тазу.

И внове все. Надолго. До поры,
До времени. Он к ясности туманной
Спешит расти и забывать в карманах
Добытые орехи для игры.

Уже осмыслен пешек грозный строй,
Расставленный на клеточках блестящих,
Так что же их рассеянной рукой
Громоподобно осыпает в ящик?

Что лбу дарует холодок стекла?
Летят ночные тени или кони.
Туда, к тебе, на лампы светлый конус,
От всех столов на краешек стола.

* * *

Закат, закат оранжевого цвета
Все забредал куда-то не туда.
Вот ржавая железная труба,
Чья песенка в печи навеки спета.

Теперь ей хорошо лежать в саду,
От беспорядка зимнего вкушая.
И маленькая самая, большая
Тень от нее не привлечет беду.

ИЗ СТИХОВ О ТБИЛИСИ

1

Предательский фонарь на перекрестке,
А от него совсем недалеко
В траве сожженной, путаной и жесткой,
Бессонно реют сонмы светляков.

И наши тени на скале застыли.
Прислушайся. Не музыка, не стих
И не цветы, что вдруг заговорили,—
А только гул истории затих.

2. Чье-то детство

День стирки. Мылят и полощут
Белье на улице Камо...
Тут проживала тетя Лошадь,
Стоял незыблемо Комод.

Была война, и мама шила,
Двух репродукций дух витал...
Там, где белы теперь белила,
С вождем не спорил Левитан.

3

Путь цыган лежит через «Самайю»—
Через самый летний ресторан.
Ничего в путях не понимая,
Поднимаю за пути стакан.

Ты, цыганка, из какого века,
Чьи упрямо бережешь черты?
Хоть и бродит до сих пор Алеко,
Не похожа на Земфиру ты.

Ты могла бы заплатить по счету —
Все расчеты для тебя легки,
Но Верховное, должно быть, что-то
Предрешило клянчить пятаки.

Разве помнишь ответ той отчизны —
Блок, вино, отдельный кабинет?
Ты идешь по спуску Элбакидзе —
«Синька-лила», «Лезвие «Жиллет»!

Я гляжу тебе печально вслед,
У печали легкий привкус киндзы.

ИЗ «ПШАВСКИХ СТИХОВ»

1

Это шарики красной эмали
И янтарные капли смолы.
Это дикие сливы ткемали
Так наивно глядят со скалы.

Только как у обрыва ни ахай —
Невозможно всего описать.
Я хочу, миновав Барисахо,
В Шуапхо по тебе заскучать.

Я хочу только малости малой —
Для тебя в необъятном окрест
Сотворить тот единственный жест —
Протянуть на ладони ткемали.

2

Лежит рюкзак, отягощавший плечи.
В густой траве безжизнен он и нем,
Но на него усевшийся кузнечик
Себя собою изваял зачем?

Да, этот путь как полновесный рог.
Шаг и глоток — похожи, непохожи.
И к быстроте ведет на бездорожье
Медлительная логика дорог.

В ней нечто непостижное уму:
От Пшавии — единственной на свете —
Не уходить и, вопреки всему,
Вдруг опуститься ночью на Кахети...

Тут на вопросы о пути подарят
Невнятный жест, как знаки на коре,
Не пастухи ведут свои отары,
А их гора передает горе.

Тут купола, похожие на шлем,
А самый храм — вооруженный всадник,
Но почему сегодня надо всем
Кричат ослы тревожно и надсадно?

О чем тот крик томительно-прощальный,
Что затаила живопись жилья?
И как связать с основой бытия
Восторг души первоначальный?

ПЕТЕРГОФ

И столько тут божественных примет
Минувшего. Не отридай их строго.
А лучше так: шоссейную дорогу
Перелети за бабочкой вослед.

И к статуям умолкшим поспеши —
Пусть с высоты прогресса несомненной...
Не в моде суть. Любая современность —
Состав и состояние души.

Так вот откуда лепет торжества —
Мы этой ночи белой фавориты.
Здесь даже звук отдельный: Амфитрита —
Божественен помимо божества.

Пока державной статуе грозил
Чудак Евгений — мраморное скерцо
Тут разрослось. Тут оставляли сердце.
· · · · ·
Мы обошли три раза Монплезир.

* * *

Это главное, не главное.
И дано, и не дано.
Это вдруг уходит в давнее
В даль раскрытое окно.

Это Блок и быт Италии
В час скрещения ночной.
Это музыки реальности —
Отвлеченной, неземной.

Это признаки осенние
В самый летний, летний зной..
Воскресенье. Воскресение...
Разве просто — выходной?

* * *

Спор «Поэта и Толпы» —
Спор, затеянный однажды,—
Не решен. Колышет лбы
Пламя свеч. Стоят и жаждут.
Жаждут — требуют судьбы.

Зря себя не береги:
Это все равно известное —
Свечи в кованных подсвечниках
И чеканные шаги.

А потом стекло музея,
Неприкосновенный след,
Женщина среди ротозеев
И простреленный жилет.

Туфель стоптанных домашних
Не касается нога,
По качанию ромашек
След уходит за снега.

Встать над собственной темой
В чем-то, как бы не всерьез,—
Это-то и, видно, Демон
Творчества. Но дале — сквозь.

Кинофильмы, ленты, гримы,
Слепки слухов и мольбы.
Повторим неповторимый
Спор «Поэта и Толпы»?..

ИЗ ПОЭМЫ

1

Взамен приправ — шепотка рельс —
И загудит котел кипящий,
Мелькнут оранжевые чаши,
Припомнится далекий рейс.

И в колдовском всплывут наваре
Пшаветия или Рача,
Где нами сложенный очаг
Вдруг показался схожим с Джвари.

Шьют воздух синие стрекозы,
И мельницы глубокий всплеск.
Чего же более? Но козырь
Еще приберегает лет.

Там ночью служат: пень — столом,
Бокалами — рога олени.
Я опускаюсь на колени,
К траве прикладываюсь лбом.

И тосты в облаке парят,
И не мерещится в бескрайнем
Первоисточнике — пора
Моления о лужайке тайной...

Вот марсианский аппарат,
Мерцающий луженой медью,
Пока к звезде летать он медлит —
В сосуды водку капать рад.

И стадо важное звенит,
Идет, звенит колоколами.
Невидимый над головами
Обозначается зенит.

Зенит, прощай! Покинем гордо
Твой полдень, длящийся века.
Нетвердые, мы верим твердо
Стараниям грузовика.

Земля в союзе с колесом,
Хоть в миллиметре держит пропасть,
Вращается бездумно лопасть
На протяжении одном.

Лишь в синеве воздушный змей,
Преодолев земные меры,
Свой вес и прочие химеры,
В зенит взмывает без затей.

А в тряске
Новый ритм и бред
И присказка секретная:
Садово-Каретная,
Садово-Каретная —
Ни садов тебе,
Ни карет.

Но это очень далеко,
Так далеко, что даже совесть
На сделку с вымыслом влекло —
В одной другую видеть повесть.

Ужель, сама с собой не споря,
Сотрет с лица земли гранит,
Даст самый синий образ моря,
Но девушку не сохранит?

Языческое пляшет пламя
Под аппаратом у реки.
Зачем неистовствует память,
Воспоминая вопреки?

Моя вина... Что ж, мимо, мимо.
И губы не произнесут
Далекое простое имя.
И чача капает в сосуд.

2

Во всех деталях ясен план.
Но для стиха — план хуже плена,—
Не забежит пугливо лань:
Ей нужно место отступленья.

Ну так отступим в день иной,
Тем более что он лукавит:
Того гляди, и не оставит
Заметы в книжке записной.

Позируя то тем, то этим
И предвкушая позитив,
Он ставит крупным планом сети,
На солнце их позолотив.

Ты в кадре том совсем раскис,
И неизвестно, что там дальше.
Проходит вечность — шлифовальщик
Камней и раковин морских.

И рыбы, рыбы плавниками
Плетеные корзины трут.
Но не торгуйся с рыбаками,
Неоценим бесценный труд.

Чуть дальше: очередь, буфет,
Пустые о портвейне бредни,
Как в Новгороде, как в Уфе...
Вдруг за стеклом бутылка бренди!

Ужель то самое?! На дамбе
Вкусим его и покорим.
По-го-во-рим о Мандельштаме,
Поговорим и погорим.

Все так же ли Орланд неистов?
А скат шинели тех годов?
Что ж, серая, и я готов...
Привет, «кузнечик мускулистый»!

О эти рулады простые...
А как далеко нам до них,
Ведь только одни запятые
Помогут проникнуть в тайник.

И скудное наше призванье
Хлопочет в мучительных снах:
Хотя бы один препинанья
Такой же божественный знак!

А солнце падает шаром,
Как далеко уходит утро!
Уходит шелковым шатром,
Качается на волнах юрта,

И, каплей огненною канув,
Туда, за горизонт, на дно,—
Пошлет к поверхности стаканов
Луны туманное пятно.

И треск транзисторный — костров,
Казнящих слух,— все дальше, тише.
Потух буфет. Шоссе не дышит,
Промчались духи катастроф...

А в дне другом — то хрип, то стон —
Бог музыки вершит вендетту:
По всем кустам волочит ленту.
И жрет ее магнитофон.

Воинственный затеяв пляс,
Пугая бодростью и мощью,
Бог вне себя — младую рощу
Пятью динамиками тряс.

Он затаенно жаждал: «Пусть
Один лишь слабый жест протеста —
И ливнем благостным оркестра
Омою тотчас каждый куст!»

Но, бунтаря не обнаружив,
Одну пластинку вертит бог
И оскверняет свой чертог
Самоубийственным оружием...

Карниз, кивок, каприз, балкон —
Все это далеко, в Тбилиси,

Где средь скамей на самой выси
Скамейки не находит он.

Что ж, улетай, взмахнув плащом,
Лети, но нет и нет прощенья...
Пусть трижды перевоплощен
Ты чудом перевоплощенья,—

Все та же быль во всем видна,
Нет лишь слезы — чужой, горючей:
Машина времени горючим
На весь отрезок снабжена...

Замри, хранительный инстинкт,
Изведай прибыльную убыль.
Возвышенно поет тростник,
И шепчут шепчущие губы:

Самим собой не будь, не будь,
Сверни житейские хоругви,—
Рассеянным и близоруким
Переходи трамвайный путь.

3

Взамен приправ — шепотка рельс
И дымной дали дымный пояс.
И старый кахетинский поезд
Уйдет в осенний пьяный рейс.

О, только так и нужно ехать,
Когда минувшее — маршрут.
Я, вопрошая, ворошу
Давно умолкнувшее эхо.

Оно в покинутых депо
Тоскует, но тоску не гасит,
Лелеет ржавые каркасы
И помнит сквозняков тепло.

Рукой прозрачной тронет грозди,
Висящие на палке в ряд,
Соединяя виноград,
Свисток кондуктора и звезды.

И что-то тянется по полю,
Огнями встречными манит,
Притягивая как магнит
Свой противоположный полюс.

Ты тут, далекая, седая,
Покоишься вне берегов,
И крупно звезды оседают
На изоляторах столбов.

Свеча. Наплывы темноты
Бегут по бурдюкам на полках.
Овеществленье пустоты.
О, только тут, и так, и только —

Пока на всех своих парах
Состав плетущийся не станет.
Тьма. Полустанок и Пора
Не мифов ли о мирозданье?

Но где же я? Еще так рано.
Ты на лужайке. Ты пришит

Воздушно к воздуху. Охранно
Растет покрытый мхом самшит.

Уединенье в сто обхватов
И треск трескучих хворостин.
Откуда запах горьковатый?
Так мог бы пахнуть керосин.

Ужель Команда Огневая —
Бредбериевщины фантом?!
Нет, это маме наливает
Наш керосинщик в Наш бидон.

Как он забрел в эпоху газа,
Усовершенствованных плит?
С тех пор не слышал я ни разу,
Как примус воеет и палит.

Мир довоенный, мир покойный.
Отец и мать... Но погоди,
Зачем тут вынырнул конвойный
И Вологдою окатил?

Так головой своей повинной
Вступаю под зеленый свод,
Предвосхищая хоровод,
Как в фильме «Восемь с половиной».

* * *

Что в имени тебе Зербити,
Зербити... и Гохнари — что?
Звезда, сошедшая с орбиты
И медлившая над плато.

И вот ее изображенья,
Печать в углу надгробных плит.
Лишь штампик детского печенья,
Как в тесто, вдавленный в гранит.

На нем наивны и чеканны
Пастуший посох, меч и плуг —
Ни буковки — все безымянны
Могилы этих звездных слуг.

Что эта женская рука мне,
Изображенная с ключом!
Дождись, пока звезда на камне
Забрезжит каменным лучом.

МАРГАРИТА

Та картина еще не открыта,
Как в шкатулке альбомный стишок.
На тахте возлежит Маргарита,
И в руке у ней вянет цветок.

Мы не встретимся с нею в «Эдеме»
Боле чем полстолетья назад,
Не проедем воротами теми
В этот увеселительный сад.

Эта помесь Европы с Кавказом:
Ресторан ли, духан — не понять.
Этот трепет под трепетным газом
Не разъять, не объять, не обнять.

Так шарманка грустит неумно,
Так былого томительна власть,
Но природа — она экономна,
Ничего в ней не смеет пропасть.

Живописные изображения,
Как их там ни суди, ни ряди, —
Может, истинные воплощенья
Предстоят им еще впереди.

Золотые проступят оттенки
Из прокляенной наглухо мглы.
...А в саду незнакомки коленки
Так знакомо круты и круглы...

Тут с ней мальчик и девочка рядом,
На скамьях закипает весна.
Мы слепым перекинулись взглядом,
И поправила юбку она.

ПУСТОТА

А стихи — чего там в самом деле! —
Что, откуда и куда идет...
Вот опять на улице Шавтели —
Робкий, моложавый идиот.

Возле колокольни Анчисхати
Семечки грызет он до сих пор.
Он не повод, но волна окатит —
Кажется величиной в собор.

Поднялась и сразу же опала.
Эти краски чересчур густы,
Лучше нет на свете матерьяла,
Матерьяла лучше пустоты.

Пустота ночная и речная,
Подле горько плачущей горы.
Что-то про себя припоминая —
Звук неразговорчивый Куры.

У горы аптекарские дозы —
Хлещут вволю и не про запас, —
Все текут, не иссякают слезы,
Говорят — целебные для глаз.

Ими лоб когда-нибудь умою,
Третий глаз предчувствуя на нем.
Пустота не хочет быть немою —
Отдает мне комнату внаем.

Что ж увидит, что узреет око —
Немощному глазу вопреки?
Просыпаюсь высокó-высоко...
И Кура — название реки.

КОДЖОРИ

1

В лесу есть лес неназванных вещей,
Вот и ручей бормочет безымянно.
Молчи — молчу, не подаю вестей,
И есть еще остатки крепостей,
Две радуги и завеси тумана.

Ах, передай, но нет, не передашь
Тот лес в лесу — и позже, как заране.
В дожди истек забытый на поляне
Чернилами чернильный карандаш.

2

...А где хранится рифма к Кер-оглы?
Должно быть, в Эрмитаже или в Лувре.
Но нет, не там. Пронесят рифму в клюве
Парящие над крепостью орлы.

3

О чем-то о другом
Поют листы цветные витражи,
И глохнет пень, оплывший, как огарок.
В лесу такие чертовы ангары,
Такие вертолеты, виражи.
И листик-жук, точнее — жук-листок,
Несет, несет его воздушный ток.
А облако, как из старинной пушки, —
Пиши себе — пасется на опушке.

Но разве не виновно ремесло,
Что облака нас облагают данью,
И вдруг потянет виршеплетством, дранью,—
И не заметил, как позанесло.

Ну что же, облако, пока, пока.
Шумит, шумит кустарник поредельй.
А может быть, писать про облака
Есть способ выйти за свои пределы.

Прямая речь. Речь не обиняком
Про облако. О чем-то о другом.

4

В лесу туман, плывут виденья
Под шелест листьев вековой,
То узник или часовой —
Ему тепло в тепле забвенья.

Кто он тебе — друг или враг?
(Какие четкие понятия!)
Встает задумчиво, но шаг —
И сгинул в дымные объятия.

...Бывало, тухнут фонари,
Ракеты шип и окрик сонный,
Не уходи — проговори
До той проверки и зари
Вблизи, вблизи запретной зоны.

А все же скрытный свет звезды
Счастливой брезжил над тобою,
И недостаточность беды
Становится твоей судьбою.

Года на выпусках монет,
Исчезнувших из обращения...
История. От всепрощенья...
И до: себе прощенья нет.

5

Ах, боже мой, и все-таки я жил
Неизреченно и огня боялся.
И рифмовал счастливый звук: кизил,
И палочки кизиловой касался.

И пережил завидную пору,
Не шелест ли услышав горний?
Безумные за мной носились корни,
Протягивая бедную кору.

6

Пришел точильщик в этот дождь несметный,
Тот, чьи круги, ты помнишь, не круглы.
«Кому точить» тонуло в море мглы.
Ушел корабль, как плот ветхозаветный,
И рубкой служит крепость Кер-оглы.

* * *

Опавших листьев ворох прелый
Передохнув, перемахнув...
Вдруг женский локоть загорелый
Явила бабочка, порхнув.

Но расцепившееся слово
Иным движением полно:
Оно несчастьем здорово
И только радостью больно.

* * *

И скрипнул лес, как скрипнула кровать.
Кровать пружинная лесного бога.
Правее в гору — древняя дорога,
Дымок отшельничества. Благодать.

Осколки сланца черны, как пластинка,
То записи умолкших голосов.
А может быть, поющая тростинка
И шлепанье домашнее подков.

И впрямь, и впрямь магический кристалл!
Рожденье мифа на конце дороги:
Там человек какой-то многоногий
Замешкался и этим дубом встал.

Но нет, не то: внезапно сквозь завесу
Я вспомнил что-то. Замыкаю рот.
И лист тетрадный возвращаю лесу,
Туда, туда, в немой круговорот.

* * *

Досмотр прост:
Ни выдоха, ни вдоха,
А кажется, что губы не мертвы.
Еще немного северного моха,
Пожалуйста, еще чуть-чуть листвы!

У неба, неба снівшаяся синь.
Носилки неукрашенные узки.
...Да, день и ночь тому назад латынь
Еще могла торжествовать по-русски.

* * *

Этери Думбадзе

В войну — Шопен: шаги, шажки,
Телесный цвет. Еще прыжки.
В фойе из залы переходы.
У изголовья жмутся годы.

Вдруг вспомнишь старенький буфет,
Где граций чувственное трио.
Померк когда-то яркий свет,
Что освещал любой предмет.
Ушло. Теперь и музы нет
Мне соблазнительнее Клио.

* * *

Джвари в ржанье лошадей,
Зеленеют круто скаты.
Эти лошади крылаты,
Словно стая лебедей.

Ангел, Джвари стерегущий,
Дай взойти на этот скат:
Слышать шелест иль жующий
Звук, умноженный стократ.

* * *

Конечно, нет духана углового,
Как самого угла,— вокруг все ново,
Шарманщик мертв. А все же тень Майдана
В чужой асфальт впечаталася глухо...
Нет ничего от прежнего духана.
Как просто все. Вот юркая старуха —
Ей спешно перейти дорогу надо:
Купить в жару бутылку лимонада.

Полощутся в стеклянном барабане
Обмылки неба бледно-голубые.
Близка основа жизни к серной бане,
Явленья безыскусственны и четки.
Без выбора перебирай любые,
Как бедные пластмассовые четки.

* * *

Вновь дерево Иудино в цвету
Очутится над улочкой крутою.
Присядет чинно дева на тахту,
Окрашенную всякий год тутою.

А под балконами наклон горы,
Чреватые подвалами панели.
Дворы, дворы. Неведомые цели
Поэзии. Еще, еще дворы.

* * *

С утра авто коптит, коптит, коптит.
Бледна рука воскресных канцелярий.
Но чу! Откуда цоканье копыт
И глаз коня божественный и карий?

Мелькают спицы, шины шелестят,
И тает, тает крепкий запах кожи.
И сыты ноздри, и глаза косят,
И на руку наматывают вожжи.

А чмокающий звук не так уж прост:
Узорчата балконная решетка,
Со дня Куры встает Ишачий мост...
Куда же ты, куда же ты, пролетка?

* * *

И солнце, что похоже на луну,
Скользит тончайшим диском по туману.
Пойду еще раз на него взгляну
И думать о ничтожном перестану.

Наискосок — в небытие — лаваш:
Девчонка с ним из лавки побежала.
Скажи на милость, что еще за блажь —
Душа моя пророчеств пожелала.

* * *

Вдруг — тайной вечера примета —
В подвале нимбам несть числа.
Висят за чернотой стекла
Тарелки радужного света.

Конечно, тут мираж случайный:
На кухне керосинки жгут,
И вот — сияние и гуд...

А все же к трапезе той тайной
Они каким-то боком льнут.

ЧУГУРЕТИ

Какая тишь! А между тем гурьбой
Тут поколенья сыпались, как гунны,
Аэродинамической трубой —
В ничто, в какой-то рынок бестархунный.

А твякают потомки тех же псов,
Недолговечней детского румянца.
И нет у времени верней часов
Геологических — простого сланца.

КИНТО

И голова кинто среди булыжин —
Бритоголовых полчищ мостовой.
И звук шарманки, влажный, гулевой,
Собою упоен или пристыжен.

Застигнуто последнее мгновенье
В глазах открытых мертвой головы.
Шарманки равномерное круженье,
Сквозная тень колеблемой листвы.

* * *

Лежит собака на газете.
За нею темный двор ночной.
Склад угольный и дровяной.
Блестит трамвайный путь прямой.
Еще пожить на этом свете.
Лежит собака на газете.
Ах, боже мой.

* * *

Еще твои балконы виснут.
Петух двором ковровым стиснут.
Опять бесснежен новый год.
И странно слово вдруг: исход.

* * *

На Гончарной или на Кувшинной —
Смотрит оком мутного стекла
Комната над лавкой керосинной,
А напротив винная была.

Как на ум здесь не приходит повесть,
Пусть себе уходит в полусон.
Вот те на! Гляди, какая новость:
Пронесли пластмассовый бидон!

ВАРИАНТ ВСТУПЛЕНИЯ

Затем какой-то винный погребок
Влагал открытку дня в карман нагрудный
И поверял, что есть еще подспудный
Тут на востоке все-таки восток.

Он обольщал разгадкой ключевой;
Гляди же как-то искоса, но в оба.
Попробовать вина, какая проба! —
Рейд по аллее бочек дармовой.

И посвященный здесь не посвящен —
На бочках уголовные пометки.
И рядом инобытие: перрон
Давнишней, давней Кахетинской ветки.

Ступай себе нетвердыми шагами,
В манящих огонечках горизонт.
Глухой перрон усеян бурдюками,
И дама опирается на зонт.

Клеенка черная — ночная степь.
Пыхти, локомотив, — мы не отъедем.
Луну поярче, погремучей цепь!
Потешимся шарманкой и медведем.

Но продолжай: еще, еще пошарь!
У погребка глубокие карманы,
Там — по вагонам пронесли фонарь,
Тут — цвет рубина обежал стаканы.

Вид потолка безумен и нелеп.
Вверху, как ангелы,— вниз головами
Ныряют пекари за лавашами,
Так будь благословен, грузинский хлеб!

...Пропала дама, и фонарь потух,
Исчезло бурдюков столпотворенье.
Но отпугнул их вовсе не петух —
Тут он и сам; пожалуй, привиденье.

Но, как положено, из тьмы пропев,
Азийское он называет утро.
Ах, до чего ты, солнце, чернокудро
И желто, как у Пиросмани лев!

Поэзия, похожая на тост,
За призраками юности погоня.
Зачем еще ты сохраняешь мост,
Тот зыбкий, зыбкий в царство беззаконья?

Когда-то, много лет тому назад,
Там, под рекою облаков летучей,
Ходил баран, нагуливая зад,
На привязи у проволоки колючей.

На деревянной вышке часовой,
Где полоса уже недостижима.
«Баран, баран начальника режима,
Тебя кормлю отборною травой.

И листья дефицитные в охалке
Несу тебе по окончанье дня.
Замолви же словечко за меня —
Пусть поваром назначат на участке».

Так разглагольствует чудака один,
Без блата в административный флигель.
Кто он? Наполовину Насреддин
И чуточку еще — Тиль Уленшпигель.

Но сразу: рельсы, зарево огней,
И, навсегда меня опережая,
Уносится в ночи судьба чужая,
Скользнув случайной тенью по моей.

...Как добрый знак, что верно выбрал бочку,
Вскипает хор за частоколом спин.
Прости мне, виночерпий, проволочку
И наполняй подставленный кувшин.

И пусть к вину ты добавляешь воду,—
Как лес в лесу, есть у вина вино,
Но каково на вкус и что оно?
Мелькнуло так и кануло по ходу.

* * *

Кастрюля и звезда — едины,
Прости наивный сей монизм.
Душа уйдет под звон монист,
В немые впишется картины.

Я знаю: выбирать нельзя,
А выбрал бы себе заране
Картину кисти Пиросмани,
Где кутят старые князья.

Оттуда будет ближе лето,
Как мирно катится оно!
И шелестят тугие тенты,
И пьют, и пьют в жару вино.

И мимоходом — череда
Корзин плетеных с дымной шерстью.
Я прошепчу чужому сердцу
Пароль: Кастрюля и Звезда.

МАНГЛИСИ ЧЕРЕЗ 25 ЛЕТ

1

Дым-камень или камень-дым,
Немного каменного дыма —
И путь все там же проходим,
Где та же грязь непроходима.

И заколочен старый дом —
Я вспомнил возле тех же сосен.
В разгаре лето тут в былом,
И длится в настоящем осень.

Снисходит тишина окрест —
Все та, минувшая, былая.
Лишь протрубит вдали оркестр —
И девочка стоит, пылая.

И тот не тот же верховой,
И глухо цокают копыта
По мостовой не мостовой,
Что крепко-накрепко забыта.

То — Старый, это Новый Свет —
Соседних рош номенклатура
Давнишняя. Да оклик: Шура!
А ни меня, ни мамы нет.

2. Нэнэ

Голова у хозяйки седая,
Но коса, как и прежде, черна.
Не коснулась косы седина.
Знать, была и Нэнэ молодая.

Оседание поднятой пыли.
Глаз внимательных добрый прищур:
И дымится уже чахохбили
В танце двух обезглавленных кур.

3

Тут веет тихая отчизна
Сожженной частью «Мертвых душ»,
Царит идея планеризма:
Лети над синью диких груш.

Стремглав, почти касаясь грядок,
И ввысь — к прощальной близи гор.
И крен — следы минувших радуг —
Планирую — какой простор.

4

Ночные ласточки с собой
Уносят блещущие дачи.
Луна меж туч, и дождь слепой,
Какой-то вземной и зрячий.

Все бег, все бег — дождь и луна.
И только медлит Маргарита.
И рукопись не сожжена.
И шапка мастера пошита.

Я пить готов под плач зурны,
Должны же где-то быть духаны.
Не виноград, а свет луны
Пролит в граненые стаканы.

5

Алгетский камень, чистый, как вода...

С. Чиковани

По-над водой твое лицо,
Легко относит солнце пламень.
Смотри: скала рождает камень —
Почти готовое яйцо.

Снесет — тогда прицелюсь метко,
В тебя швырну невесть за что,
Речонка с челкою — Алгетка,
Лет через сто, лет через сто.

6

Под соснами, где детский сад шумел,
Теперь темно и полустрашно стало.
Какой-то звук — и тень каких-то тел.
Позвякивало, крылось, трепетало.

Все это оказалось конем
На привязи, полулуной облитым.
Ладони, задержавшейся на нем,
Ответил он движением сердитым.

А хочешь — крепче повод притяну,
Заботы каждодневные избуду,
И ты со мною на коне — в страну,
Где никогда не нужно мыть посуду.
Спи, конь.

7

Знать, клещи есть на эти гвозди:
У августа воруют звезды,
И неизвестно, кто тут вор.
Свод, управляемый сверчками
И глухо чувствуемый псами,
Ведущими бессильный спор.
А мы? что мы? На небе звездно,
Но поздно все! и просто поздно.
Редееет огородный мрак
С Тельцом, Курятником, Лисою.
И есть название смерти: Рак.
С клешнею смерть, а не с косою.

8

Провинция. Автомобильный
На бочке пиво жмет насос.
Он хлещет пеною обильной
И к давней давности прирос.

А помнишь ли, насосы эти
Когда-то были желтой меди.

Скажи — нехитрая примета,
А в год какой ведут тропы
По воздуху. И держат лето
В полях магнитные снопы.

К земле, по твердости спортивной,
Прилечь щетиною седой.
Дни в день сложились непрерывный,
Не слышу скорости земной.

Ты спрашиваешь: где кастрюля,
Как спрашивают про звезду.
Звезду, летящую как пуля
В небесном ковшике найду.

Клубится что-то, звезды сея,
Во тьме колышется густой.
Плащ Гамлета и Одиссея.
Не стой под звездами. Постой.

* * *

...Это там, на исходе эпохи,
Заокраинный чертополох.
И дудуки протяжные вздохи
Как один нескончаемый вздох
Под ногой никакие не бездны.
Жизнерадостна вывесок жечь,
Обещает и кличет: «Любезный!
Тут что жаждет душа твоя есть».
...Перед смертью утешить нас нечем,
Все же прав был какой-то индус:
Снова в облике мы человечьем
Будем лихо закручивать ус.
Сообщающиеся сосуды —
Даже смерть не подводит итог:
Дух захватывают амплитуды,
С каждым разом — все выше виток.
Не вернемся в разряд насекомых,
Дождевых и могильных червей.
И теперь вспоминаем знакомых
В веренице кутящих князей.
На лужку с переполненным рогом,
Простоваты и мудры на вид.
Почему-то о милом и многом
Полотно это мне говорит.
Будто в тосте они завещают
Усложнения пустые избыть.
Нужно все что ни есть упрощая —
Углубить. Упростить — углубить.

Пусть знаток усмехается криво,
Не услышав привет и призыв
В неподвижности той «примитива».
Так да здравствует же «примитив»!

КУБАЧИНСКИЙ ОРНАМЕНТ

1. МЕДАЛЬОН

Это светятся сами потемки
Там, на грани забвенья почти.
— Что несешь в невесомой котомке?
— Я несу Кубачи в Кубачи.
Здравствуй, медное в черном нагаре.
Я тебя по ошибке отверг...
Кубачи на воскресном базаре,
На воскресном базаре в четверг.

2. ОРНАМЕНТ

Длинный клюв на солнце золотится.
Что такое? Не упасть ли ниц?
По дороге человекоптица,
В черном фраке — человекоптиц.
Как же от аула отлепиться,
Для чего мне покидать аул?
Но мелькает человекоптица,
Человекоптиц уже мелькнул.
Белый плат опущен до бровей,
Оглянись, несущая кувшины,—
Твоего коня увел с вершины
Красный человекомуравей.

3. ПОСЛЕДНЕЕ

Поглаживать колючие плетни,
На языке прощаться онемелом.

Бесповоротно дни теряют дни,
Теряясь целиком и оставаясь в целом.
А свадебный светильник не зачах —
По краю кровель реет без опаски,
И где-то Лувр, тоскующий по маске,
В которой черт танцует в Кубачах.

4. ТУМАН

Идут колеса валко, шатко.
Стучит подкова — талисман,
Скажи, что думает лошадка
Плещущая про туман?
Вот тает, тает — не горелый
Ли это рощи ералаш?
Сплошной туман, молочно-белый,
Рисует черный карандаш.

5. АМУЗГИ

А что сейчас на той поляне —
На серебре ее резьбы?
Птенцы иных планет — дубы,
Нахохлившиеся в тумане.
Как от невест белым-бело.
Я вижу с точностью последней:
Небрежно брошено седло —
Единственный предмет передней.
Позвякиванье мелюзги.
Молчанье крупное — чеканно.
Как прежде б крикнуть: А-муз-ги!
О Амузги! — в наплыв тумана.

СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ

1

Электрик был недолго болен
И умер в час, в три похоронен.
Помощник до смешного мал —
Какой-нибудь Кемал, Камал.

Светона начальником по праву
Он стал и плачет от души.
Свети, мигай, мигай Джейнау —
Как крылья бабочки, маши.

2

А пыль Хивы до самого Китая
Уж не благоухает так.
И в воркованьи призывок лая,
Порханье голубей-собак.

Мечеть, как платье, износилась.
Торчит с тряпьем линиялым шест.
Старуха не перекрестилась,
И вечен омовенья жест.

3. САМАРКАНД

Кроссворды изразцов до одуренья.
Но кирпичом любуюсь поливным,
У зрячих лиц слепое выраженье.
Четырнадцатый век. Биби-ханым.

Скажем, город какой-то Карши.
Тут автобус набит до отказа,
И чадит перегретый мотор.
В тесноте — для стиха и рассказа
Открывается скрытый простор.

В незнакомом знакомые грани,
И реальность разит не разя.
Чту доподлинность — ту, что заране
Предсказать и придумать нельзя:
Не средь трав и растений спаленных
Мавзолеи небесной красы,
А на туфлях моих запыленных
Две сплетенные туго косы.
Две сплетенные туго косы...
До свиданья, подросток, узбечка,
Я заветное знаю местечко
У запретной почти полосы.
Близ базара торговля ножами,
Что, как бритва, преступно остры...
Дождь акаций, и плов над кострами,
Устилают веранду ковры.
Уголовники ходят, хмелея
От объятий неверных подруг.
Черный ворон кружит по аллее,
Замыкая назначенный круг.

6. ПУСТЫНЯ

Разная — такая лишь отсюда
И другая из других купе.
С верхней полки — с высоты верблюда —
Что могу сказать я о тебе?

Сожжены на яром солнце тени.
Отстраняю от окна лицо.

Но прекрасней ивы дерево
Над песком склонилось в изумленьи.

Маревом исходят рубежи,
Что-то там готовится заране.
Очевидно, лгут про миражи —
Только женщина на том экране.

7. ВООБЩЕ

А в пустыне не мучила жажда,
Открывалась такая страна,
Где повсюду, под деревом каждым,
Притаилась в тени чайхана.
Неподвижны деревья-тихони,
И халаты пестрее цветут.
Что там тискает каждый в ладони,
Что, блаженно зажмурившись, мнут?
Вот приму беззаветную позу,
Пусть пиалам теряется счет.
Я узнал: этот тискает розу,
Этот птичку какую-то мнет.
Не какую-то, а перепелку,
И ладони, как воздух, легки:
Вертит птица головкой сквозь щелку,
Выпрямляет цветок лепестки.

СЛОБОДА

1

Тут всегда с утра — мюака,
На закате же, однако,
Драгоценный вспыхнет ларь —
Серебро в нем и янтарь.

До чего же он могуч,
Предзакатный солнца луч!

Позолочены ступени,
Луч над ямой ворожит.
Ночью сторож сторожит
Всякие такие тени.

Не обидит даже муху,
Как он в сторожа попал?
И ни слуху, и ни духу —
Что пропало, кто пропал.

Удивительное место
Явно явлено тайком.
Хорошо идет невеста,
Но закуталась платком.

Может, что-то не готово
Там из серебра литого...

Настигая, застигая,
Забормочешь без ума:

Вот она — не та, другая;
Та, не эта же — сама.

И до самого рассвета
Не узнаешь ни черта:
Эта самая — не эта,
Та же, эта же — не та.

И еще звезда мигала
Там посередине дня.
Как по лестницам Шагала
Косолапится ступня!

2

Отправляться грязным не годится —
Смоем несмываемую грязь.
Маленькое, кажется, корытце,
А по росту всем оно как раз.

Вот жена забилась, зарыдала.
До свиданья, ухожу во мглу.
Оставляю дома одеяла —
Те, цветные, стопкою в углу.

Что — уже? И ширь все уже, уже —
Ужас — шире — только посмотри
На корыто черное снаружи,
Оцинкованное изнутри.

3

Но ты в чужую комнату проник —
На улице такое ощущение.
И уличный светильник тот — ночник,
Он задержал девичий быстрый лик
И оправдал себя как освещенье.

А в воздухе примысль себе растворы —
Торговые палаты, наконец.

Идешь, ничьи не наполняя взоры,
Ты кто? — ни покупатель, ни купец.

Ну, а товара много меньше позы —
Ни чайханы, ни дыма шашлыков.
В руке горит, напоминая розы,
Пучок — букетик красный петушков.

И косо все да крепко так, что силы
Не хватит выпрямить и распрямить.
А вот моих ровесников могилы —
Древнее нет. Запомнить, позабыть.

Тем более, тем менее востока.
А мост какой-то, этот — замечай,
Что делит он по ширине потока.
И имя дикое — Кудиалчай.

4

Так отыскался, значит, след бесследный,
И выброшенное нашло приют.
Не исчезали, тут они как тут —
Будильник ли, ведро ли, чайник медный.

Собрался вновь, рассыпался кирпич,
Из глины и соломы тот саманный...
А мальчик на осле. И берег вон желанный —
И с солнечным пятном его достичь.

* * *

Гие Маргвелашвили

Когда же это было? Снег и город Они.
Вокруг стола раввин и девять дочерей.
Снежинки за окном все гуще, все быстрее,
Но линии любви нет на моей ладони.

Но линии любви нет на моей ладони.
Теленок под столом. Гудит в печи огонь.
Сиянье, теснота. Благоуханье вони.
И гладит, гладит шерсть с ладонями ладонь.

* * *

Некое подобие духана.
От шарманки не смертельный ток,
Господи, начало дня! Цисана —
Девочка-скакалка — прыг да скок.
Не глядеть бы мне наискосок.

* * *

В соседней комнате шуршит газета:
То мой отец за письменным столом.
Как он нашел дорогу в новый дом?
Я на его могиле не был с лета.

А капающий кран квартиры бывшей
Сюда, почудилось, перенесен.
Неявленная явь, бессонный сон
Владеет темнотою обступившей.

За ставней свет карающим мечом.
Окинь, покинь, как при аресте, вещи.
Какой ни есть — в них все же след мой вещей.
Вернусь и я с каким-нибудь лучом.

* * *

Единственное чтение — Дюма!
Что может быть волнительней и ближе,
Чем сцена, где прощается с Парижем
Граф Монте-Кристо с ближнего холма.

Он видит мельтешение огней
И ждет от неба знака или вести.
А крест все тягостнее и трудней
Переступившей все границы мести.

Не той эпохи несколько минут —
Куда-откуда грозовая нота,
Все штрих один определяет тут,
И красный свет, как при проявке фото.

И вечен холм над городом, где кто-то
Прощается навек. А кони ждут.

* * *

И оказался вовсе не огромным
День, названный аэродромным.

Лелеемый — он ничего не мог.
И небом был богат и светел,
А бога не было — при чем тут бог:
Я никого не проводил, не встретил.

«Обедал на вокзале одиноко», —
Есть в дневниках у Александра Блока.

В буфет модерный, как салоны «ТУ»,
Увязла одинокая свобода
И не вписалась в обстановку ту.
Извозчика б тринадцатого года,
Казанского б вокзала пестроту!

А впрочем, клевету: прошли в окно,
В толпе пропав, те голова и плечи,
И говорю: вокзалы — место встречи,
С кем встретиться уже не суждено.

Что летний день! — а вот не может в сад,
Там дождь идет который год подряд.
И мокрые подсолнухи.

ИЗ «АХАЛЦИХСКОГО ЦИКЛА»

1

Видно, снег повалит скоро,
С гор и неба занесет,
Вардзию — пещерный город —
Испытаю на полет.

Будут каменные соты,
Пустота пустых мешков.
Кельи, кельи. Где ты, что ты?
Чудно-чуждый шум веков.

В этих каменных корытцах
Спелый колос каменел.
Тут конюшня, там светлица —
Невнимательно смотрел.

А отсюда брали воду.
В тьме крошечной медный свет,
Никаких к экскурсоводу
У меня вопросов нет.

И на грани отверденье
Фрески лавою текут.
Всем все ясно: то — Успенье,
А правее — Страшный суд.

Только в жизни отстоящей
Не найдется места мне.
Что-де с Вардзией летящей
Делать в зимней вышине?

Ясность божья каждой вещи.
У меня — туман, туман.
...В звуке «Тмогви» — что там плещет?
Виноградным звуком пьян.

2

Сам бог или его престол?
Целую каменный подол.

Напротив солнца и лазури
Скала летящая темна,
Все ж кладка крепости видна.
Заснул в траве. А что Ацкури —
Не божество ли это сна?

Но есть жестокость линий резких —
Теперь воздушности сродни
И жутки мне былые дни.
Домашний лай собак турецких...
Верни мой поцелуй. Верни.

* * *

Обугленных желудков черноту
Позолоти своим подарком, хаши.

Б. Ахмадулина

На хаши! Хаши! Ты была
Так весело им одержима,
Себя стремилась и вела
Стремглав к нему, но как-то мимо.

Вставала хашная заря —
Лишь свет мерещится в окошко;
Так почему же медлит ложка
И жар опять упущен зря?

В названье хаши — вся основа.
И золотился этот сок
С первоначальной силой слова.
Ты пригубила сам исток.

А мне привычна деловитость,
Что хлеб над чашею крошит,
И эта мрачная несытость,
Когда уже по горло сыт.

Теперь не то... Но отзвук дней
Былых волной встает в накате,
Шуршит в прозрачном пластике
Все тише, тише, все слышней.

Стаканами ли с чесноком
И чернотой полотенца...
Старуха там над сном младенца
Стоит с гремящим молотком.

Трава — на негативе — снег
Все валит, валит — не пробиться.
Прозрачны легкие копытца,
Неудержим печальный бег.

А хашная освещена,
И сдвинуты пустые чаши.
...Так мне была возвращена
Извечная бесплотность хаши.

* * *

Решительно. Решительно во всем —
Зачатки прозаического бреда.
В хинкальную у Земмеля войдем,
За чьей-то стойкой — даже не беседа,

А: «Выпьем за родных!» Столпы. Столбы.
Чудовища... Но дым и пятна света.
Так и начнем без помпы и пальбы,
И, право, обойдемся без сюжета.

Прекрасная прислонена метла,
И застит взоры юбка курдианки,
И можно плакать и сжигать дотла
Какой-то давней лирики останки.

Все, все о быстротечности трубит,
Но спрятаны и не мешают трубы.
И с каплей на носу старик сопит,
И жалко шлепают по тесту губы.

И проза допускает без труда,
При этом не задев правдоподобья,
Младую ведьму привести сюда,
Она вокруг посмотрит исподлобья.

А ты чужой. Порхает карандаш.
Какой-то тип. Невнятная описка.
На шабаш приглашенье, на шабаш —
В кармане обнаружена записка.

...Кого-то ждут. Накрытый стол. Вино.
Скрип галереи. Тишина. Просветы.
А в лирике по-прежнему темно,
Недаром к прозе тянутся поэты.

В САДУ

Но в этом гиблом и прекрасном месте.

Как всякий год, открыт сезон, в котором
Сугубо мимолетен каждый штрих.
Цыганки канут, не задев подолом
Стиха, но что же, собственно, есть стих?

Цыганки тут весь день между столами;
Вот сдуло их, вот снова намело...
О, если бы переписать стихами,
Что прозой складывалось набело!

Жизнь в формах жизни: обнаженно-зримо,
Лей кахетинское, блаженно лей!
И женщина смеется: «Ну-ка имя,
Цыганка, угадай за сто рублей».

Цыганка имя угадать не может,
Но не роняет марку ремесла,
Мгновенно карты веером разложит.
Что имя! Тень счастливого числа.

Какие волны разом набегали,
И воскрешала рыб тархун-трава.
Бессмертна рыба в имени «цоцхали»,
Воистину и мертвая жива!

Неисчислимы лирики потери,
Итог приобретений невелик.

Ну как, скажите, распахнуть мне двери,
Чтобы вошел тот сухонький старик?

Его природа — чисто световая —
Питалась долго светом сквозь балкон.
Балкон открыт. Вблизи Куры кривая,
Кусок Майдана. Ветви. Полусон.

Он тут сидит, не изменяя позы,
Как бы в ячейке воска диких сот.
И льет, и льет благословенной прозы
Не вызывающий сомненья мед.

Ах, день какой! Подробности за далью
Исчезнут как за каменной стеной.
Что ж, лирика, пренебреги деталью
И задуши меня своей волной.

ЗОЛОТАЯ ПЫЛЬ

Марнеули... Марнеулиада...
Краем глаза, второпях, мельком.
Ни о чем повествовать не надо,
Можно и не помнить ни о ком.

Но бараньим шапкам подивиться.
Где они, начала и концы!
Только тучи пыли, лишь копытца
Градом сеют мелкие столбцы.

Марнеули, как бы некой тайной,
Жаром и овчиною дохнул.
Я отпрянул — что же это в чайной?
Смена власти? Правят — блеск и гул.

Римский профиль в шлеме, гарь пожара,
Но, сюжет к сюжету не клоня,
Там лишь два гиганта самовара,
Емкости троянского коня.

Ничего родного в юбках пестрых.
Нет и для прапамяти причин
Говорить о женщинах как сестрах,
Братьев узнавать среди мужчин.

Так откуда столько ликованья —
Чай ли крепок крепостью вина
Или же кольцо существованья
Сузилось до этого звена?

Будто святотатство допуская,
Что стыжусь, робею у дверей?
Шапки. Шапочника мастерская,
В зеркале небритый брадобрей.

Замкнуты пастушеские были,
Хорошо на этом берегу,
Но томлюсь: происхождения пыли
Объяснить разумно не могу.

И в разноголосице ни звука,
Что несут в завязанных мешках:
Для непосвященных — связки лука,
А для посвященных — тлен и прах?

Клан ли тут какой затеял жмурки,
И не разобраться, что к чему.
Я потом увидел, как фигурки
Поползли по ближнему холму.

Скрытая пружина эпопей:
Вытрясли глубокие мешки —
И тотчас же медленные змеи
Выползли, клубясь вперегонки.

На базарной площади с флагштоком
В ясный полдень наступила тьма.
И в веселье сердца одиноком
Мир представился игрой ума.

Все сходились группами в столовой,
Ничего не скажешь: люд как люд.
В толчее буфета бестолковой
Взяли что-то из дежурных блюд.

Медленно, не торопясь поели,
Пили пиво, виду не подав,—
Как это они на самом деле
Губы вытирали о рукав?..

Сладко дремлет официантка Сона,
Милостыню требует костыль.
И вошел в меня из-за балкона
Луч закатный — золотая пыль.

Я привстал тогда и на мгновенье
В Марнеулиаде потонул.
Что стихи?! Постыдное затмение.
Не даются в руки блеск и гул.

МЗИ

Где кошки старика теперь,
Что жили у него в камине?
Нет никого. Закрыта дверь.
И черных кошек нет в помине.

О, смерти легкий корректив,
Что вносится еще при жизни!
Бесстыдно смерть опередив,
Глагол уже справляет тризны.

Ведь я предвидел этот час
С его свободой постылой,
Что будет право на рассказ
О старике дано могилой.

Лазурь, лазурь. Морской инд.
Волна на берег набегает.
Душа от скорби вопиет:
Старик в земле мой истлевет!

Вот новости загробной мглы:
Пока судьба костей туманна,
Развязываются узлы,
Расчленены суставы пана,

Лесного, лешего,— они
Уже на корни не похожи,
Голубоватые огни
Бегут в обрывках мертвой кожи...

И все же кончится распад,
Наступит равновесье вскоре.
Как близко к морю этот сад,
Но к дьяволу и к черту море!

Ведь море не его Кавказ —
Вверху, ничем не знаменито,
Есть озеро — оно от глаз
В горах заботливо укрыто.

Неописуемой красы,
У ледникового порога —
Оно, по существу, — часы
Заветные в кармашке бога.

Хлюп-хлюп, хлюп-хлюп; тик-так, тик-так,
Но если вслушаться — ни звука,
И в центре странно светит мрак,
Мерещится подобье люка.

Куда-то вспять плывет оно
И, поглотив из туч монетку,
Плашмя у берега на дно
Кладет играющую сетку.

Когда Великий Часовщик
На озеро внезапно глянет,
«Пора», — промолвит, и старик
По слову медленно восстанет.

И по следам бывлой стези
От козых круч — к морскому шуму,
От озера с названьем Мзи
Старик мой спустится к Сухуму.

И вот им насаженный сад,
Где яблок красные планеты.
Как и столетия назад,
Меж листьев жгучие просветы.

И тут бывшее настает —
Какой-то миг минувший, четкий:
Лазурь, лазурь. Морской иод.
Я к старику с бутылкой водки.

Зачем писать о нем, к чему?
Смешно в той области старанье.
По разуменью моему,
Поэзия — вся — ускользанье.

СКРА

Ну так что же в названии Скра,
Что там мельком махнет вдоль перрона?
В чистом поле — кар-кар да кра-кра! —
Уронила когда-то ворона.

И отец мой привиделся мне.
Принимая Метехи за Ксани,
Он платком протирает пенсне —
Не ошибка ли тут в расписанье?

Расписанья кружки и пунктир —
Было-сплыло и помнится еле.
Это целый таинственный мир,
Увозимый с собою в портфеле.

Но в пространстве, заученном от
Одного до другого местечка,
В веренице высот и красот
Обнаруживается утечка.

Смотрят недоуменно в окно:
Что-то не по порядку вокзалы.
И пространство — как память. Равно
В них обеих — провалы, провалы.

Каждый пункт непременно в провал
Угодил бы — без имени слабый, —
Если б кто-то его не назвал,
Невозвратно он сгинул тогда бы.

...Или дальний тебе Дилижан:
Самосвалы рванули с насеста,
Но почтовый гремит дилижанс —
И название сильнее, чем место...

Что за Скра, что за Скра, боже мой!
Встал отец над опущенной рамой.
Просто он торопился домой —
Там ведь я, остававшийся с мамой.

Каркай, ворон, пари, не горюй:
Уж сякая-такая наука —
Этих строк, этих струн, этих струй —
В всеобъемлющей бедности звука.

* * *

Июль, июль — все те, кто побогаче,
Уже в тени благополучных Цхнет.
Блаженные блаженствуют на даче,
А остающимся спасенья нет.

И снится ли, что ты на середине
Двора, тахтой не смея пренебречь,
Заснул, и вот в певучей мешанине
Обрушилась пленительная речь.

В ней серебрится чешуя паренья.
Вспоминанье. Детство. Лоскуток.
В ней был рецепт какого-то варенья,
И эти голоса, и голосок.

Так хорошо о ней никто не судит,
Нет в словарях семи ее основ.
И кажется: вот-вот она разбудит.
Но спишь ли ты или заснуть готов?

* * *

Сентябрь. Сентябрьские утхи.
Так сгинь и пропади в толпе.
Как описать базар — орехи
С проломом рваным в скорлупе?

Собрание мыслящих извилин...
Иль рук мозолистых печать?
Но все равно язык бессилен
Увиденное воссоздать.

И дева вдруг с волной. Глубины
Разверзлись, и исхода нет.
Что может лепет голубиный,
Когда необходим сюжет!

От перца в воздухе багрово.
Отключено, отрешено,
Уходит восвояси слово,
Ведь не в увиденном оно.

Приправы, пряности, коренья
И тыквы небывалых форм.
Для птицы черной вдохновенья
Уже не продается корм.

* * *

Рисую вечные картины.
Арба тихонько проплыла:
Повез старик свои кувшины,
Огромные, как купола.

Я так люблю все эти вещи:
Ни взять, ни дать; ни дать, ни взять.
Но говорят — яснее, резче
Мне надо все переписать.

Дом — деревянное строенье.
Кружение листвы и лиц.
Реальность и воображенье —
В дому меж ними нет границ.

Им лирика владеть могла бы,
Но эпосу причастен он,
Рассчитаны его масштабы
Для свадеб и для похорон.

Просвечивают половицы —
Там снизу светится очаг.
Бесшумные отроковицы
Бесшумный устремляют шаг.

Гостеприимства шепот ветхий,
И лень узнать, при чем тут мы...
Всю ночь протягивают ветки
К окну фонарики хурмы.

* * *

На миг один перед глазами —
И тут же вихрем пронесло.
Подумать только: Мукузани!
Село — вино. Вино — село.

О чем же дальше, если — мимо?
О том, что нам не суждена
И прядь струящегося дыма
Вина — села. Села — вина.

* * *

А что же помню я? Возможно — горы,
Ту линию седла между вершин.
И вот еще: вода впервые в поры
Вошла, и тоненько запел кувшин.

Кахетия. Кружится круг гончарный.
Улыбка гончара — и торжество.
Почти в небытие — навес базарный.
И больше ничего, и больше ничего.

* * *

Самовары и чуреки —
Памяти веретено:
Люди, лошади и реки —
Перепутались навеки,
Перепутались давно.

Ночь. Гостиница. Невинно
Укрывайся и таись.
Дождь. Рыданья пианино,
Кутаиси... Кутаис.

* * *

Что ты можешь знать заранее?
Жди развязки и молчи.
Окна желтые в ночи.
Что там — поезд Пиросмани?
Три вагона, три свечи.

Хочешь проездной билет
От Гелати до Баграти,
От Баграти до Гелати,
Сроком годный на сто лет?

* * *

А в качестве некой приманки
Подбросишь таинственный свист.
Там некто — владелец шарманки,
А в прошлом лихой кларнетист.

Все войны, и войны, и войны;
И охи, и ахи: вай мэ!
И мама, и отчим покойный.
И дева в саду — Саломэ.

* * *

Две направленные фары
Дым уносят от костра.
Бары-тары, тары-бары
Продолжались до утра.

Недопитые стаканы —
А прекрасное вино...
Но прошли тогда бараны,
Пронесли свое руно.

Край Ясона и Меден
Показался мне на миг.
Отшумевшей эпопеи
Шум ушей моих достиг.

СТРОФЫ ДЛЯ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

1

А что отражалось в рояле?
Кусочек ночного двора.
Что ж, если на нем и играли,
Не стояла свечки игра.

Я шел средь внезапного мрака
При мысленном блеске свечей.
Все ближе бродяга собака
К ноге норовила моей.

И Тютчева правильны очи:
Покровом он день называл.
Да день, а не ночь, а не ночи...
И сколько же в дне покрывал!

2

Что́ ж это значило, что сниться
Мне отчий дом не стал,—
В темнице снилась мне темница.
А мой сосед летал.

Сосед... Конечно же невежда,
Невежда-простачок:
Все бабы: Вера и Надежда,
И вестник — паучок.

А между тем — стояли годы
И стали в цепь времен...
Он прав: я не любил свободы.
Был глуп он, я умен.

* * *

Даты, даты. Какие-то даты...
В серебре обреченная нить,
Крутит тормоз вагоновожатый,
Но трамвая не остановить.

Разве страшно: с открытой площадки —
Приседая и наискосок —
Наяву, как во сне, без оглядки —
Две секунды — полет ли, прыжок.

...Даты, даты. Какие-то даты.
Тут трамваи не ходят быстреей.
И захлопнуты воздухом сжатым
Обе створки глухие дверей.

* * *

Зачем мы ходим по гипотенузе,
Где белые трамваи с низким лбом!
Что делать в них приятельнице музе,
Прописанной в пространстве голубом?

Соленый, сладкий пух, налет загара,
Но это непроизносимо вслух.
Берут в полет пролеты Авлабара,
Где с адской серой смешан банный дух.

Что делаешь, что делаю? Взираю.
Седеющий пульсирует висок.
И я пишу стихи, зачем — не знаю.
Стихи, стихи, как некий адресок.

* * *

А все же что-то было, было.
И в летней полной темноте
Движение происходило:
Летало платье в пустоте.

Оно имело весть благую
Подруге близкой передать,
Что он пришел, и вот вслепую
Два платья принялись летать.

Как над сковородой парило.
И он был я. И я был он.
И с кошкой дремлющей перила.
Тифлисский двор. Глухой балкон.

* * *

Оставь, оставь пустые страхи,
Возьми в автобусе разбег
И — в позапрошлогодний снег —
В булыжно-пепельный Сигнахи.

Там башенка стоит одна
По правой стороне от левой,
Где у высокого окна
Толпятся дали перед девой.

В музее — уникам фонарь
В венецианском лучшем стиле.
А говорят — такие встарь
Тогда на улицах светили.

* * *

Кораблик в море и в кафе серьга —
Сближалось все, что врозь и не похоже,
Но не соединялись берега —
Два одного по существу того же.

То лето выдыхает зимний пар,
А тут зима прельстительнее лета.
Постреливает гравием бульвар,
И нищенствует пес у парапета.

И кажется, еще я не встречал
Тебя — тогда: так эти волны брызжут;
Впервые слышу, как скрипит причал,
И самый блеск волны впервые вижу.

Так вот оно, великое нигде,
Во всем его разгуле и просторе.
Все время кто-то ходит по воде.
Ну что еще могу сказать о море?

* * *

И были огромными эти крупицы
Минувшей, блаженной поры:
«На завтра обещаны синие птицы!» —
О господи, близ Бухары!

ПРОСТО

Заглохший сад. Старинный дом.
Звезда в пруду не гаснет, не дробится.
...Старинный том, и в томе том
Когда-то кем-то загнута страница.

* * *

Все меньше остается тех вещей,
С печатью рока, шепотком причуды,
С изъянами, как хрупкие сосуды
С водою солнечной дождливых дней.

На миг один светающая темень,
И скрыты вновь завесой гробовой...
Куда девать, кому отдать мне гребень —
Ах, этот гребень, гребень роговой!

* * *

Но я не вижу, чье это лицо
К зачитанному мной склонится тому...
Мой кабинет, как мамино кольцо,
Достанется кому-нибудь другому.

* * *

Так суждено: за кругом круг опять.
Но, как бы все по кругу ни крутило,
Тому, что было,— больше не бывать,
И лучшее всегда лишь то, что было.
А было так: закрой глаза — темно.
Темно, но свет единственный упрямо...
Высокое, высокое окно,
Где Буниным придуманная драма.

РАВНОВЕСИЕ

Все равно куда — что сперва, что потом.
Но всегда навсегда — только пусть:
Карусельный спуск. Винный подъем.
Винный подъем. Карусельный спуск.

ИТОГ НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЙ

Хоть краем глаза, ну а зорче вдвое.
Все мимоходом, мельком, сквозь толпу.
Счел божьим даром зренье боковое.
...Он говорил про третий глаз во лбу.

БЛИК

Мимо церкви все той же Кашвети,
Где напротив хинкали с утра,
Приблизительно в девять без трети
Мне опять на работу пора.

Это — я, это — я — неужели?
Тут вот этот... И наперерез
Мне подали пустые качели —
Навсегда на секунду исчез.

* * *

Сидеть бы в кафе с большееротой,
Той самой, которой б — коня!
А каменный храм с позолотой
Уже не прельщает меня.

Посадки мужской в ней до черта,
Прообраз в ней витязя груб.
То женственность высшего сорта:
Подуешь — тростинка, не дуб.

И противоречие это —
Всмотрись же! — сразит наповал.
Я шляпу отбросил, и лето
Пусть в мозг мой течет, как металл.

Пусть несовместимость другая,
Но только уйти бы от той,
Где тяга, когда-то тугая,
На ход перешла холостой.

ВИД ИЗ ОКНА

Летом тут город пустеет —
Становится, как в лесу.
Кто знает, когда темнеет,
В котором точно часу?

Любовницы это знают
На целом свете одни.
И лифты их поднимают,
И в комнату входят они.

* * *

Вот она возникает из пены,
Море красит ее во сто крат.
Как чудовищно одновременны
Твой рассвет, твой расцвет, мой закат!

Эта пластика — суть завершенье
Поколения нимф и богинь,—
Не мое ли тут мудрствует зреньё?
Погоди же! Нет, все-таки сгинь!

...Метафизика пены. Кипенье.
И, две крайности объединя,
Ты, как море,— мое представленье,
Независимое от меня.

* * *

Так ведь не было даже вначале,
Чтобы двое лишь: он и она.
Неужели вы не замечали —
Вам вторая она не видна?

И когда изгоняли из рая,
И когда... и тогда же вполне
Непричастная эта вторая —
Сердцевинная — там — в стороне.

ЭКСПЕДИЦИЯ

Древнее тут поселенье,
След его и ни следа.
Жажда моя и моление
Чуда: тебя бы сюда!

Вместе бы в эти ворота,
Мимо остатков колонн...
Как золотит позолота
Солнца Дманисский Сион!

Нет, не Сион, а Сиони —
Так он точнее звучит.
Соединяя ладони,
Заново нас обручит.

Да возвратится сторицей
То, что пропало во мгле.
Впадины с черной водицей,
Помнишь, тогда на скале?

Это случайное ложе
Я вспоминаю с тоской.
Бледность смутившейся кожи,
Вынесшей плен городской.

Что, озабоченно рыща.
Все нумеруют слои?!
К плитам сего городища —
Только стопы бы твои!

Словно в раскопках таится
Скрытно живая досель
И в существе экспедиций
Тайно побочная цель.

И об одном эти травы,
Мыши и перепела,
Паперти и архитравы,
Крепости и купола.

* * *

Не повод для стиха, а лишь основа такта,
Над головой изогнута река,
И так нужна в руке твоя рука,
Чтоб только легкий слушать шаг твой.

1962

БАТУМИ

Этери Думбадзе

1

Эта складка бульдожья магнолии
собиралась в свечу над тобой.
Незажженная, с ветки любой
все хотела светить в то окно или
устилать чей-то путь скорлупой.

Пыльной властью асфальта униженный,
город в городе словно не свой.
Кто ответит своей головой
за твои дождевые булыжины,
прораставшие мелкой травой?

До свиданья, милые призраки,
ничего не поделаешь тут.
Дым картонных, игрушечных труб.
Рядом с вами все новые признаки
у причальных мешаются тумб.

И забытое детство не мешкает,
здесь, в кофейне, путем окружным —
с неба, к морю, потоком речным
с пожелтелой бамбуковой вешалки
полотенцем полощет ручным.

Над случайною всей совокупностью
наблюдений, пристрастий, примет
повседневности высится свет

и стихи озаряет о хрупкости.
Кремня тверже. В них хрупкости нет.

2

О чем морское поле так хлопочет,
полоской пены берег теребя?
Жить для себя, жить только для себя —
Простой его наказ волной рокочет.

Когда-то легендарно и сурово
к тем морякам базальтовых пород
оно ушло. Залив лежит подковой.
Сулит покой и счастье наперед.

3

Порт в дожде. Все будто на пожаре.
Но она прошла не торопясь.
Женщина в трех лужах отражалась,
пьющего касаясь воробья.

Поднимают от причала сходни,
вал прокрутит первый свой виток.
Винт с цветком, должно быть, чем-то сходит,
раз пошел в воде расти цветок.

Ждет чистильщик обуви в нелепом,
ухарски завязанном платке.
Стертые железные «налеби» —
две подковки на его станке.

Бричка мимолетная мне снится.
Я бежал и подвезти просил.
Но без груза не берет возница,
и горит зеленый глаз такси.

Пусть блаженное незнание жизни
снизойдет по-прежнему ко мне.
В небо световой рекламой брызнет
и напишет красным по волне.

Облако от облака прикурит,
и пройдет наряд береговой.
Пуст базар. Непроданные куры
в черной связке никнут головой.

1964

* * *

Поцелуй для губ не убыль.
Поцелуй — обновление губ.
Но пока обновляются губы —
сердце треплется...

В сизую глубь
ты уходишь, ушла, и перья
вечеров прикрывают глаз.
Дважды видит он: в самый первый
и зачем-то в последний раз.

* * *

О. М.

Положен камень под щеку,
Сей прах шлифованный и твердый.
Ты — это ты. Что значит мертвый?
Завиден мертвый лев — щенку...

И рыбы трутся плавниками,
Ты помнишь: так же на Оке...
Да нет же точно так на Каме
В пересыпаемом песке.

А где-то тянет по привычке
Перронный жалостливый дым.
Давай сейчас на электричке
В твоё лазорье угодим.

Тут все — твоё. Бери любое
На память — Якорную щель
И рядом море голубое...
Но не кончается туннель...

Что значит неумолчный рокот,
Мурлыканье довольных сфер?
Кто их на землю с неба сверг
И тут погладил ненароком?

* * *

Но как строку ни завершай,
А все к тебе вернется вскоре.
За горьким шепотом: «Прощай...» —
Не детское ли: «Здравствуй, море».

1965

* * *

И пусть не воин я и пахарь,
И под плитой мне тут не лечь,
А в те года — одна лишь плаха
Могла бы мной не пренебречь.
Все ж над моею горсткой праха
Изобразится серп и меч.

1965

* * *

Есть суть иная в сути голой
Той сказки с платьем короля,
Что утоляла странный голод,
Воскресший из небытия.

Себя на век опередив,
У пульта с ручками авоська,
Пыхтит, пыхтит локомотив
И тает, словно он из воска.

Куда от взмахов лже-ткачей,
В какие крайности нам деться?
Нематериальный дым вещей
И крепость истины младенца.

1965

* * *

Но я хочу в аэродром,
В тот быт стремглав неторопливый,
Под приземлившимся крылом
Услышать тайные призывы.

И не вообразить полет,
А только ждать простого знака,
Поглаживая переплет
Посмертной книги Пастернака.

1966

* * *

В чем смысл летящих лепестков,
Пролившихся среди дороги,
Когда за ними лик тревоги
Сквозил и мнился звук оков.
Тревога давняя — сама
Теперь причина вдохновенья.

Печальны эти песнопенья...
И только б не сойти с ума.

1966

* * *

Гие Маргвелашвили

На тусклой суете перрона
Все совершилось. И, как встарь,
В руке проводника бессонной
Тот керосиновый фонарь.
Он не был символом печали
Разлук, тревоги — просто свет,
Необходимый, чтоб билет
Каким-то знаком помечали.
Чтоб все божественные выси,
Всю суть познал в двух строчках ты:
«Как близко море от Тбилиси —
Всего лишь ночь одна езды».

1967

* * *

*Ю. Олеше и
Б. Ахмадулиной*

К вещам великим прикасаться тенью —
Вот это все, что я имел в виду.
Вращалось тихо яблоко в саду,
Под ним закон таился притяженья.
И через годы в ту же синеву
Та женщина услышит ударенья
Размеренные — яблок о траву.

1967

* * *

Гие Маргвелашвили

А нам нельзя и пальцем шевельнуть,
не вызывая в самом сокровенном
похмелья оседающую муть.
О мудрость древних, как ты современна!
Зачем тобой предписанный покой
и к действию слепое недоверье
не властвуют над суетной рукой,
когда стучимся мы в чужие двери?

1967

* * *

Плоти Мандельштама отблеск некий
Где же тут в блаженстве естества?
Но волхвы с волами вдоль засеки,
Солнце на младенческие веки
Скупое цедит щедрая листва.

1968

* * *

Карусель совершенно бесшумна
И с бесшумными кружит детьми
До чего же затея безумна —
Не в немом ведь кино, черт возьми!
Ну а яркости не лишена —
Вот какая теперь тишина.

1968

* * *

Вот он опять родился и забыл,
И сон забвенья чист и непробуден.
Не говори: «Кем мой ребенок будет?»
Но просто: «А все же, кем он был?»

И впредь в одежды новые рядись.
Им подивись потом в музее где-то,
Еще не раз, еще не раз родись.
То выдумка: Харон, Психея, Лета.

1968

ДОН ЖУАН

**Что может этот пионерский горн?
Что на рассвете он еще разбудит?
Надменный камень холоден и черн,
Беспечный лист на нем пыланье студит.**

**Беги, беги от этих страшных мест,
Где цепко память только прошлым дышит.
И командора памятник не слышит,
А по ночам к нему записки шлет.**

1968

* * *

Неужели еще не пора,
И душа та же все, что когда-то?
Никакого не нужно пера,
Никакого не нужно заката.

1968

* * *

Девятнадцатый век-поставщик:
Голубые как небо фургоны,
А забытое слово «прогоны» —
Как разносчика зелени крик.

1968

* * *

А ночью все почти как встарь,
У вечности глубокие карманы.
Взойдет луна, и увезут фонарь,
Столб и фонарь, как и луна, обманной.

И во дворе тетрадные поля,
Теснится образов переизбыток,
Мир галереек, лестниц и калиток,
Готовый быть сведенным до нуля.

1968

РЕНЭ

Автобус. Дождь не устает косить —
В полях уже не всколосятся злаки.
Но тень твою я мог бы воскресить
Одним лишь прежним восклицаньем:
маки!

1968

ГАЯНЭ

Тут летняя у осени пора.
Закон один: томленье и беспечность.
Вдруг пыльщики стоят среди двора.
Все дорого — бесплатна бесконечность.

Дрова из лесу — детское «вестимо»
Послышалось, завьется стружкой дым,
А может быть, огонь растет из дыма
И мох зеленый неуничтожим?

С предлогом «ва» — и двор уже иной,
И в «вадваре» — субстанция иная.
Вокруг вода такая земляная,
В отличие от просто водяной.

Прекрасны рыб воздушных косяки,
Давно минувшие мелькают лета.
Волнуют нас не только плавники,
Но даже иглы рыбьего скелета.

Эх, были-жили, глубоко вдыхали,
Не удивлялись рыбам, но едва
Она в тарелки шлепалась: жива!
Всегда жива, под именем цоцхали.

Уносит гном готовые дрова,
И курд-подвал топорщится усами.
Один Тифлис под всеми небесами,
И пыльщики уходят со двора.

А ночью слышен шелест легких шин.
Везет фонарь старинная двуколка.
— Но как, скажи, дудят в трубу-кувшин?
— А как бы пьют, а как бы пьют — и только!

Как на одной картине — все точь-в-точь.
Да вот еще: лев на окне и ночь.

1969

* * *

В начале осени душа занует.
Внезапны пыльщики среди двора.
Должно быть, дороги дрова,
Зато безмерность ничего не стоит.

Напиток зимний осень отпила.
Во многих днях как раз-то дней и мало.
Проворно ходит в дереве пила,
Иное воцаряется начало.

Три яблока вне видимых причин
В углу двора кружатся и порхают.
Но как, скажи, дудят в трубу-кувшин
И как бы пьют, пьют и не выдыхают?

* * *

Я смутно думал о вине
Перед Манглиси, что вполне
Весь исчерпал себя во мне,
Но оставался сам вовне,
Прекраснее, чем был, вдвойне.

1969

* * *

Былой покрой. Смешной фасон.
И не смешной. Безумно рано.
Еще заводят патефон,
И игл требует мембрана.

И, отрешенный от тревог,
Ты мал еще. И лето жарко.
И смутно: гриб и поплавок
И духовой оркестр парка.

1969

* * *

Зуб старика с молочным зубом схожий,
И, приобщаясь, отворачиваясь лиц,
Тут, в сквере чахлом, все же дан мир божий —
Колено женское и щебет птиц.

Мы щебету приписываем тему —
Истории последнее звено.
Однако ничего не решено,
Они поют по Брему, не по Брему.

И есть какой-то цикл, и пустячок
Проносится вне круга увяданья,
Как бы рожденный вдруг из бормотанья.
В ведре татарской зелени пучок.

1969

* * *

Кривые лесенки. Шагал
Не смог бы тут кривее.
Есть счастье в том: я тут шагал,
Где все вокруг — евреи.

Детали скачут как река,
Легки и не суровы.
В подвале дома мясника —
Ну что? Да полкоровы.

А прокопченный мир суббот —
Легенд крутое тесто.
Горели все и раби тот,
Не сдвинувшийся с места.

Что ж от добра искать добро?
Стою над бездной синей,
Со мною вместе серебро
Ушел транжирить иней.

1969

* * *

Откуда это цоканье копыт,
Полет, что от земли неотрываем?
То не пролетка, а кентавр спешит
Поспеть вдогонку за ночным трамваем.

1969

* * *

Я от себя давно не жду вестей —
Не умер ли от горя иль запоя?
Но нет, живу и отдаю без боя
Остатки славных старых крепостей.

1969

* * *

Сцену высоко запрячу
В кипени облаков.
«Суровцев, на передачу»,—
Трубный услышу зов.

Словно что было когда-то
И прогремело давно
Громом и эхом раската
Тут повториться должно.

Возле вершины Казбека
Дымная круговерть,
Тонкие лучики снега,
В муках рождается твердь.

Выглядит действие странно
Сквозь самолетный глазок:
Воинство, стены, охрана
И пропускной теремок.

А Суровцев не понимает,
Стоит у закрытых ворот.
То ли его не впускают,
То ли — наоборот.

1970

* * *

Над нами птица крикнула спросонок,
На странной скрипке голос проскрипел.
Не знаю — глух он или слишком звонок,
Но прочернился повести пробел.

Что птичьи сны бессонной нашей ночи,
На спицах длинных звездные катки!
Что нам совы стремительные очи —
Все клювы, перышки и коготки!

1970

* * *

Лестница, куда твои ступени?
Поздней ночью встану на колени.
Поскрипи еще, как мышка полевая,
Винтовая, винтовая, винтовая.

1970

* * *

Ну, я прожил, живу, и что же,
Чем я заполню пустоту?
Иду себе к себе, о боже,
Стоят деревья на мосту.

Куда они пустили корни?
Неужто я несу обман?
Ночной, горячий хлеб из торни,
Луна неполная... Туман.

1970

* * *

Хореи, ямбы — как заведено,
Так и стихи по-прежнему слагаем,
А может быть, мы умерли давно
И ничего об этом не узнаем?

А между тем простая череда,—
Неужто каждый год другому равен?
А юноша мне говорил: «О да,
Любимый мой поэт — Державин».

1970

* * *

Я теперь в неведение не кинусь,
Ямб, хорей ли — я не тороплюсь.
Алгебра: к стиху приставлен минус,
Вечно минус, минус, а не плюс.

Что же делать? За дугой трамвая
Тянется серебряная нить.
Нужно, все на свете упрощая,
Только упрощая — углубить.

1970

* * *

Из маленького-маленького дара,
Считай — его почти что нет,
Никто не по плечу, никто не пара,
Возможен ль небольшим поэт?

И тишиною комариной звонок
Тот день еще в плетении дорог,
Как облако с каймой — в саду теленок,
И две минуты сеном пахнет стог.

Там по земле стихи еще ногами,
А не пером — мучительно к концу.
И яблони раскинуты шатрами
И яблоками хлещут по лицу.

1970

* * *

...Черновики уничтожают.
Свои, чужие ли стихи —
Любые в замысле плохи.
Стихи не пишут, а спасают.

Спасают, перевоплощая,
Что может выше неба быть?
Необходимо, упрощая,—
Все упрощая — углубить.

1971

* * *

Все в голове перемешалось,
Перемешалось как-то вдруг,
И мне осталось только малость —
Неверный или верный звук.

* * *

Так на скульптурах выемки — зрачки,
И все-таки глядят на вас иные,
Но чуют ноздри газы выхлопные,
А уши слышат, как трещат сверчки.

* * *

Там по неясной и простой причине
Далекая звезда — ее и нет в помине.
С железной женщиной — решеткой на камине —
Я ночи напролет один — наедине.

* * *

Я иногда боюсь открыть глаза
Не потому, что что-то непонятно,
Не потому, что страшно и слеза,
А потому, что ночь, и живопись, и пятна.

* * *

Вот два шага и три шага отмерь,
Стреляй в упор без промедленья —
Ведь все равно теперь,
Какое будет искупленье.

1972

* * *

Обедать, ужинать, растить дитя,
Которое ни в чем не виновато,—
Вот правила игры, где не шутя
Играют после объявленья мата.

1972

* * *

Был дом его построен на песке,
И хмурятся угрюмо «туры».
Что после мата значат на доске
Какие бы то ни было фигуры!

Но маленькая пешечка — дитя.

1972

* * *

Меня обогащает разоренье,
Но опыт каждый — тот же штраф!
Опять плати по счету и сомнение
Оставь, оставь, оставь, оставь.

Особенно же дороги подарки.
Подарок — дар. Не верь ему, не верь.
Но уст коснись. О, почему так ярки
Прозренья в слепоте? Впредь. Ране. И теперь.

1972

* * *

Когда закопчены каминь...
Шепчу, но то ведь был один
Тогда увиденный камин,
С бухари-очагом единый
Не чернотой ли седин?
Когда закопчены каминь...
Нельзя ли строчку отпустить
На волю и в среду иную?
И оборвать земную нить,
И бормотать напропалую.

1973

* * *

Так смещены и странны цели,
И горечь сладостна на вкус,
И мне понятен тот искус
Создания простой модели.

Всечеловеческий там сруб
Первоначальной бильярдной,
Впоследствии же — чести клуб
И дом на площади парадной.

Тут центр всему. И замкнут круг
Приобретенья и потери.
Шаров немолчный перестук
Мешается со стуком в двери.

К кому стучат, к кому —
Чья карта меченая бита?
Уже построили тюрьму,
И слух оправдан про копыта.

И есть прекрасная колдунья,
И колдовство, и новолунья!
Все образы давно не спят,
И шумною толпой цыгане,
И донны Анны в ресторане
Порхают в траурном до пят.

Во всем какая-то нелепость,
Но в чем она — не разберешь,

Когда охватывает эпос
Уже лирическая дрожь.

И я там жил и был не раз,
Моя надежда и отрада,
И пил вино из винограда,
Но чаще все же из пластмасс.

1972

* * *

Взрыв индюшки — позывные Вани.
Образы — глубоко, странно спят:
Донны Анны служат в ресторане,
Ходят в черном с головы до пят.

Белолицы, белоствольны, споры.
За ночным окном туман.
За столами кутят командоры,
Вертит в кухне вертел Дон Жуан.

Счастье — ничего не знать заране.
Свет обернут в благостную тьму,
И поэзия лишь ускользанье,
Но не ясно, от чего к чему.

1972

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Бегут трамваи по траве,
Окраина — бескрайна.
Где я, где ты? Те тени две —
Прекрасна эта тайна.

Мы плотно ставни притворим,
Оставим только щелку,
Заговорим, отговорим
Без умолку и толку.

1972

* * *

Балдахины гудят надо мной,
Где старухи окрашены хною.
Чайхана, чайханы, чайханой,
Чайхане, чайхану, чайханую.

Обойди, обойдусь, обойду...
Пахнут дымом восточные грозы.
Панджу-як, шашу-беш, себайду —
Катят кости всю виртуозы.

В общем, это единственный звук,
Как растет он в ночи, будь неладен,
И стремителен взмах этих рук,
Словно у пианиста украден.

1972

* * *

И нет под кленами мне чайханы,
И пьяницам не нужен тот духанщик,
И, огибая бастион спины,
Летит, летит в трамвае одуванчик.

Все было до себя — на той горе
В младенчестве — и Сашка с пирожками.
Еще вопрос, что жил он при Петре,
Тот Меншиков, с дворцовыми друзьями.

Как выпуклы и как густы мазки
Пруда осеннего с недвижимой рябью.
Пред живописью ведал я лишь рябью
Зависимость рифмованной строки.

Невы гранит и шпиль парит высоко,
Истаял дым прямого чубука,
Истлела шелковая ткань шлафрока,
Есть только лоно, лоно языка.

И ни к чему излишества Востока.

1971

* * *

Тут деревянный дом как дека,
Он инструмент, и есть колки,—
Басят, прозрачны и легки,—
И признак колхозчеловека.

Чтобы судьбою просквозило
В твое бездомное ребро,
Где ночь лилова, как чернила,
И лица светятся добро.

1972

* * *

Берег моря плоский-плоский
После дождика утих.
Собирала мама слезки,
Привозила в банке их.

Как потом они мерцали,
От воды простой ожив.
Снова берег. Снова дали.
В чайном блюдечке — прилив.

Лето. Лето. Лета. Лета.
В близости сороковых.
Нехорошая примета
Привозить от моря их.

Море плещется в истоме,
Общий вид над головой —
В старом мамином альбоме
Давний снимок групповой.

1972

НАШ БУФЕТЧИК АРАРАТ

И вентилятор словно пленный дух.
И духота воздушна и крылата.
И мы вдвоем едим почти за двух
И пьем за семерых у Арарата.

О Арарат! В разгар июля снег —
Буфетчик и гора мешаются порою.
На третьем этаже — причал, ковчег...
Рождение звезд коньячных под рукою.

На белом фоне черный телефон,
По телефону вызвать в нашей власти —
Свят, свят! — воистину бессмертен он,
Официант междуэтажный Власи!

Служебный лифт открыт, чуть виден ствол,
Что, вероятно, связан с преисподней,
А Власи наш обмахивает стол —
Сейчас или весною прошлогодней?

Из предыдущей вечности вспорхнул
И держится рассеянно-любезно,
Вот дверцей лязгнул, бездною дохнул —
Саму себя же выдохнула бездна.

...Две девочки ходили в зоосад,
Садок судей, судок, судак. Надсада...
Подкинь еще лимонов, Арарат,
Но ни одной монады лимонада.

Дрожит от гнева холодильный шкаф.
Он в мире грез эмалево-латунном,
И, может, даже вспомнится жираф,
Которого кормили мы тархуном.

Здесь все для встреч... Уплывами наплыв —
Буфет искомая периферия.
От двух до трех на третьем перерыв,
К нам с двух до трех спускается Мария.

— Мария, ты? А где твоя сестра,
Всегда с тобой работавшая в смене? —
Злосчастна жизнь, но благостна пестра...
Нет на вопрос ответа тем не мене...

И все тут скоро станет по плечу,
Сверкающие горные твердыни...
И Арарат сейчас зажжет свечу
Внутри пустой, но все же целой дыни.

И от свечи отступит прочий свет,
Свет свяжется лишь с дынным ароматом...
Закрит, закрыт, для всех закрыт буфет,
Закрит на третьем и закрыт на пятом!

Какой тут, к черту, может быть барыш!
Они для нас стараются в убыток.
О чем еще ты, друг мой, говоришь,
Какой еще потребуешь напиток?

А что теперь? Болезни. Недосуг
Покрыть последний долг у Арарата.
Уходит все, но остается звук,—
В руках нет ничего, да и не надо.

Впрочем, что же! Динамики шип.
Теснота — бегство в самую пору.
Тут меня подозрительный тип
Пригласил за прилавок в контору.
Мы пробрались по темным углам
В дверь с табличкой, привешенной косо,
Извещавшей невнятно, что там —
Некто — временно главный по спросу
Склад каких-то рекламных кружал.
Я устроился в кресле глубоком.
Провожатый же мой зажужжал
На меня устремившимся оком.
Два насытых навозных жука
Заполняли, казалось, глазницы,
Машинально листала рука
Глянцеватых проспектов страницы.
Вдаль уставясь одним из жуков
И с меня не спуская другого,
Он сказал, что служить мне готов,
Раз уж фирма к тому не готова.
Угодить мне считает за честь
И впросак не попасться при этом,
Что такая, мол, серия есть,
Есть такая: стихи — поэтам...
В ней поэты читают стихи,
Все свое, ну а главное — сами,
Ведь актеры к ним вовсе глухи
С их поставленными голосами.
...Что за тип! Черт-те что этих черт.
Он поманипулировал ловко,
И в руках оказался конверт,
Та знакомая мне упаковка,
Где тот профиль, а может быть, фас,
Суть неважно. Но свойство металла
На бумажной обложке тотчас
Фотография вдруг обретала.

...Так недавно еще среди нас
Божество на земле обитало...
Те, кто жил, не поспев, не успев
Прикоснуться... Да в этом ли дело!
Ведь стихи нам оставить успела
Эта — царственное королев...
Словно все наперед предреша,
Шла, казалась невидящей, зоркой...
Свет лия. Свет лишь истины горькой,
Но которой взыскует душа.
Муза! Муза! Какая пора!
Чудно, чуждо то слово порою,
Ну а ей доводилась сестрою,
Так вот запросто: муза — сестра.
И река по долине текла,
Огибая какую-то чащу.
Вкус вина изменился, и в чашу
Примешались осколки стекла.
Участь гордая предрешена:
Этот город гранитный и дивный,
И под соснами вся тишина,
Все на свете прошедшие ливни.
Щелкнул крышкою тут портсигар
И вернул меня к прежней орбите.
— Что ж, Ахматова — дар, не товар.
Что резину тянуть вам? Берите.—
Ну и ловок ты, черт побери,
До чего категории тертой!
Вслух: — Таких у меня уже три,
Мне, простите, не нужно четвертой.—
Где я видел такой же оскал?
Он зубами ощерился всеми:
— Та пластинка, что я показал,
Не имеет касательства с теми.
— Но позвольте, чем отличена?
Обороты и марка завода,

Тот же выпуск и величина...
— Да, все то, да не этого рода.
Ваш резон — безусловно прямой,
Но пустить тут пластинку не место,
Вот вернетесь позднее домой,
И такая завертится месса!
Черный диск, черный диск, черный диск
Разольется китайскою тушью...
Тут известный имеется риск —
Вы на карту поставите душу.
Но зато! Тот таинственный дом,
Тот сугроба нетающий гребень.
Воскресение мертвых! О том
Возвестит небывалый молебен.
Черный диск, черный диск. Белый лист,
Белый лист, побелее сугроба.
Высота, на которой вы — оба,
И еще ни один альпинист...
...Многоточие. Пауза. Вздор.
Как изломаны оперно брови!
— Мы,— сказал он,— скрепим договор,
Как положено,— капелькой крови.
Вот сюжет, что не знает границ:
«Стой — стреляю!»... Но пусто и голо.
Он извлек отвратительный шприц,
Палец я протянул для укола...
И проплыли какие-то сны,
Невесомо несомые сонмы.
То, чем в детстве мы потрясены...
— Что за тяга от темного к темным?!
Столько светлых, ликующих сил!
Почему же вы мимо скользите?
Сколько раз я когда-то молил
О таком непомерном визите!
Чем теперь я его заслужил?
Я предал на распятие друга,

Я оставил жену и детей,
Я и сам ведь из вашего круга —
Плотью, кровью и звоном костей!
Я сумел бы другим для начала
Предлагать то, что ты предложил.
— Я не знаю, — ответил он вяло, —
Самый Главный меня торопил.

Мы расстались. Во времени скором
Я спустился в один погребок.
Водка, смешанная с валидолом, —
Вот рецепт, что прописывал бог.
Пар и дым. Разговоры в обнимку.
То да это. И особняком.
Я забыл обо всем, и пластинку
Мне вдогонку вручили потом.

...Отличиться пластинка на волос
От таких же других не могла,
Воссоздать удивительный голос
Опустилась тихонько игла.
Этот старческий, неповторимый,
Ведь когда-то он был молодым, —
Звук той глиняной ли окарины,
Растворившийся в небе, как дым...
Но сравнить его все-таки не с чем,
Что сравниться с ним может вполне!
Говорят, он казался зловещим,
Потому был хмельнее тройне.
Как же вызволить голос из чтенья?
Что ж, проблемы, пожалуй, тут нет.
Как разбить нам оковы почтенья
И войти в ослепительный свет?
Где блаженная длится беседа
И с другими она говорит:
«И на медном плече Кифареда

Красногрудая птичка сидит».
Что же это? Не знаю, не знаю.
Это — все. И оно ни о чем.
Это магия — припоминаю.
...Далека эта птичка с плечом,
Далека, но отсутствие рядом
Будто стало присутствием тут.
И морозное солнце. Парадом
Те войска под волюнку идут.
Упоенный живительным ядом,
Ход обратный я слышу минут.
На двадцатом, тридцатом ли, сотом —
Я начало само проглядел, —
С каждым узящимся оборотом
Странно голос ее молодедел.
Так внезапно и так постепенно,
Только как это — не описать.
Вовлеченные вещи и стены
Обращались за голосом вспять.
Что-то, чувствую, в этом неладно,
Но сигналы тревоги глухи,
Лишь ловлю ненасытно и жадно
Голос, произносящий стихи.
Вот и время уже не помеха —
Кто-то дал ему мощный пинок.
(Слышен взрыв демонический смеха,
За прорехой зияет прореха,
И снует беспокойный челнок...)
Только воздух свистит разогретый,
А потом — затихающий ход...

Начинается ею воспетый
Предвоенный, тринадцатый год.

1971—1972

БАЛКОНЫ ОСЕНЬЮ

1

Булавочный просвет того балкона —
Бессмыслица — балкон распахнут весь.
Но к малости пространство благосклонно
И свой отсчет берет отсюда днесь.
Что пустота — казалось бы, изъятье,
А купол неба не бывает пуст:
Сорвется голубь, словно слово с уст,
И самолета высится распятые.

2

Вот ожерелье желтое шафрана,
От вымысла оно на волосок,
И связка перца (до чего багряна!),
А как балкон прекрасен и высок.
Доподлинность мгновенна и пространна:
Шафран — во-первых, перец — во-вторых,
И так две связки — перца и шафрана.
Что в-третьих? Связка шпилек бельевых.
Есть в этом род зависимости милой;
Знать наизусть, не ведать ни о чем.
Балкон. Балкон.

3

Уж не одной могилой
Сей мир причастья к свету помрачен.

Тут жил мой друг. Там детство протекало.
«И папочка, и мамочка, и сын...»
Как в песенке.
И очередь стояла —
Давали керосин.

4

Я прохожу прохожей слабой тенью.
О чем же говорит мне каждый кров?
Порядок мертв. Учись лишь запустенью
На выбор — у балконов и дворов.

23. XI 73 г.

ИЗ «ПОСМЕРТНЫХ БЛУЖДАНИЙ»

Мы покинули этот балкон,
Все балконы, балкон за балконом,
И к балконам привязанный склон,
Синий издали, близкий — в зеленом.
...Перед нами теперь Вавилон,
Эта блажь с неживым небосклоном.

Я не знаю, на долгий ли срок
Он воздвигнут Нанна и Энлилем.
Смерч накроет его как платок,
Вновь затянет забвения илом.

Вдоль Евфрата расплавленный жар,
И прохладой несет от пустыни,
Странно целы ворота Иштар,—
Их обломки хранятся в Берлине.

Может, правда, что времени нет
И грядущая гибель нестрашна.
Ускользящий твой силуэт,
И вокруг вездесущая башня.

Темны символы звездных систем,
Не найти нашу малую блестку.
Ты вслепую касаешься стен
И грызешь золотую известку.

Никого. Только глина и прах.
Между статуй идем осторожно.

Путешествие наше в веках —
Подтверди: невозможно — возможно.
Не со мною — ты все же со мной,
Ну а та, что со мной, не со мною,—
Так устала за путь наш земной,
И особенно новой весною.

Вавилон. Вавилон. Вавилон.
И растут и любовь, и обида.
Вновь цветущий над городом склон
В сонме гор за горою Давида.

24.11.1974 г.

СОДЕРЖАНИЕ

«Мы к яблоне тянулись белой...»	3
«Ей снятся сны не про меня...»	4
«Мы скоро, только до того угла!»	5
Атени	6
«Вот так превосхищать возможность...»	7
«А нелюбовь моя вещает...»	8
«Я колдовал над лугом, и проплыли...»	9
Стихи о Раче	10
«Как эти линии покаты...»	13
«Мне помнится, и я когда-то...»	14
«Сон идет. Но вот его граница...»	15
«Беда. С движением неладно...»	16
«Я руки простираю, пустые горсти...»	18
Мцхета	19
Уроки Блока	21
Рача зимой	22
Без посвящения	23
«Пустяшный день...»	26
«И вот, чужой слезы не замечая...»	27
«Так поздней ночью мы проходим мимо...»	28
Стихи об Армении	29
«Глаза мои тебя не увидели...»	31
«Вот он летит пока что неумело...»	32
«Той вечности минуты сочтены...»	33
«Восстановить мгновение — тот дом...»	34
«Суть дела» Грэхема Грина	35
«Когда рассвет — сквозь ставни — тощий...»	37
«Шар земной и Хлебников бездомный...»	38
«И в этой обожженной глине...»	39
«Вот так идешь сам по себе...»	40
«Пока я в суть прекрасную вникаю...»	41
Новый год	42
«Закат, закат оранжевого цвета...»	43
Из стихов о Тбилиси	44
Из «Пшавских стихов»	46
Петергоф	48
«Это главное, не главное...»	49
«Спор «Поэта и Толпы»...»	50
Из поэмы	51
«Что в имени тебе Зербити...»	59
Маргарита	60
Пустота	62
Коджори	64

«Опавших листьев ворох прелый...»	67
«И скрипнул лес, как скрипнула кровать...»	68
«Досмотр прост...»	69
«В войну — Шопен: шаги, шажки...»	70
«Джвари в ржанье лошадей...»	71
«Конечно, нет духана углового...»	72
«Вновь дерево Иудино в цвету...»	73
«С утра авто коптит, коптит, коптит...»	74
«И солнце, что похоже на луну...»	75
«Вдруг — тайной вечера примета...»	76
Чугурети	77
Кинто	78
«Лежит собака на газете...»	79
«Еще твои балконы виснут...»	80
«На Гончарной или на Кувшинной...»	81
Вариант вступления	82
«Кастрюля и звезда — едины...»	85
Манглиси через 25 лет	86
«...Это там, на исходе эпохи...»	91
Кубачинский орнамент	
1. Медальон	93
2. Орнамент	93
3. Последнее	93
4. Туман	94
5. Амузги	94
Среднеазиатское	
1. «Электрик был недолго болен...»	95
2. «А пыль Хивы до самого Китая...»	95
3. Самарканд	95
4. Бухара	96
5. «Описания вне описанья...»	96
6. Пустыня	97
7. Вообще	98
Слобода	99
«Когда же это было? Снег и город Они...»	102
«Некое подобие духана...»	103
«В соседней комнате шуршит газета...»	104
«Единственное чтение — Дюма!..»	105
«И оказался вовсе не огромным...»	106
Из «Ахалцихского цикла»	107
«На хаши! Хаши! Ты была...»	110
«Решительно. Решительно во всем...»	112
В саду	114
Золотая пыль	116
Мзи	119

Скра	122
«Июль, июль — все те, кто побогаче...»	124
«Сентябрь. Сентябрьские утехы...»	125
«Рисую вечные картины...»	126
«На миг один перед глазами...»	127
«А что же помню я? Возможно — горы...»	128
«Самовары и чуреки...»	129
«Что ты можешь знать заранее?...»	130
«А в качестве некой приманки...»	131
«Две направленные фары...»	132
Строфы для третьей книги	
1. «А что отражалось в рояле?...»	133
2. «Что ж это значило, что снится...»	133
«Даты, даты. Какие-то даты...»	135
«Зачем мы ходим по гипотенузе...»	136
«А все же что-то было, было...»	137
«Оставь, оставь пустые страхи...»	138
«Кораблик в море и в кафе серьга...»	139
«И были огромными эти крупиды...»	140
Просто	141
«Все меньше остается тех вещей...»	142
«Но я не вижу, чье это лицо...»	143
«Так суждено: за кругом круг опять...»	144
Равновесие	145
Итог неутешительный	146
Блик	147
«Сидеть бы в кафе с большеротой...»	148
Вид из окна	149
«Вот она возникает из пены...»	150
«Так ведь не было даже вначале...»	151
Экспедиция	152
«Не повод для стиха, а лишь основа такта...»	154
Батуми	155
«Поцелуй для губ не убьешь...»	159
«Положен камень под щеку...»	160
«Но как строку ни завершай...»	161
«И пусть не воин я и пахарь...»	162
«Есть суть иная в сути голой...»	163
«Но я хочу в аэродром...»	164
«В чем смысл летящих лепестков...»	165
«На тусклой суете перрона...»	166
«К вещам великим прикасаться тенью...»	167
«А нам нельзя и пальцем шевельнуть...»	168
«Плоти Мандельштама отблеск некий...»	169
«Карусель совершенно бесшумна...»	170

«Вот он опять родился и забыл...»	171
Дон Жуан	172
«Неужели еще не пора...»	173
«Деятнадцатый век-поставщик...»	174
«А ночью все почти как встарь...»	175
Ренэ	176
Гаянэ	177
«В начале осени душа занует...»	179
«Я смутно думал о вине...»	180
«Былой покрой. Смешной фасон...»	181
«Зуб старика с молочным зубом схожий...»	182
«Кривые лесенки. Шагал...»	183
«Откуда это цоканье копыт...»	184
«Я от себя давно не жду вестей...»	185
«Сцену высоко запрячу...»	186
«Над нами птица крикнула спросонок...»	187
«Лестница, куда твои ступени?...»	188
«Ну, я прожил, живу, и что же?...»	189
«Хорей, ямбы — как заведено...»	190
«Я теперь в неведение не кинусь...»	191
«Из маленького-маленького двора...»	192
«...Черновики уничтожают...»	193
«Все в голове перемешалось...»	194
«Так на скульптурах выемки — зрачки...»	194
«Там по неясной и простой причине...»	194
«Я иногда боюсь открыть глаза...»	194
«Вот два шага и три шага отмерь...»	195
«Обедать, ужинать, растить дитя...»	196
«Был дом его построен на песке...»	197
«Меня обогащает разоренье...»	198
«Когда закопчены каминны...»	199
«Так смещены и странны цели...»	200
«Взрыв индюшки — поэвные Вани...»	202
Городской романс	203
«Балдахины гудят надо мной...»	204
«И нет под кленами мне чайханы...»	205
«Тут деревянный дом как дека...»	206
«Берег моря плоский-плоский...»	207
Наш буфетчик Арарат	208
Черный диск	210
Балконы осенью	216
Из «Посмертных блужданий»	218

Александр Семенович Цыбулевский

НОЧНЫЕ СТОРОЖА

Редактор *И. А. Колли*

Художественный редактор *Д. С. Мухин*

Технический редактор *Е. А. Воронько*

Корректор *М. Б. Сорокина*

ИБ № 7010

Сдано в набор 15.08.89. Подписано к печати 09.11.89. А 05556. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага офс. № 1. Академическая гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 5,11. Тираж 6 800 экз. Заказ № 502. Цена 55 коп. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по печати, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109.

Цыбулевский А. С.

Ц 93 Ночные сторожа: Стихи.— М.: Советский писатель, 1989.— 224 с.

ISBN 5—265—00751—2

Александр Цыбулевский (1928—1975) — русский поэт, родившийся и проживший недолгую и нелегкую жизнь в Грузии. Стихи его в центральной печати появлялись редко и помалу. Но он — поэт истинный, и классик грузинской советской поэзии Семен Чиковани сказал о нем: «В стихах Цыбулевского просвечивает личность автора, человека редкой душевной чистоты, целомудрия и скромности».

А. Цыбулевский успел издать лишь одну тоненькую книжку стихотворений — она разошлась в Тбилиси за считанные дни.

Настоящая книга вобрала в себя многое из неопубликованного и очень мало из изданного при жизни автора. Она познакомит всесоюзного читателя с интересными и самобытными поэтом.

4702010202—478

Ц ————— 252—89

083(02)—89

ББК 84 Р7

55 коп.

